

ДВЕРЬ

Сказка

Юля Лемеш

Юля Лемеш

Дверь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4364295

Аннотация

Все началось с пропажи одноклассника, а его поиски привели к странной двери, за которой открылся мир, в котором начались невероятные приключения.

Эту книгу можно считать продолжением серии городского фэнтези, начатой в "Дозвониться до небес".

Содержание

Глава 1. Причины	4
Глава 2. Юбилейный переход. Дверь	9
Глава 3. Переход	15
Глава 4. Уха и косточка в подарок	21
Глава 5. Последствия ухи. Или смерть великого могущественного волшебника	25
Глава 6. Гениальный план	28
Глава 7. Пришествие Великого Гаспара	34
Глава 8. Зеленая шляпа	41
Глава 9. Новые способности и подлое убийство	47
Глава 10. Старик	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юлия Лемеш

Дверь. Сказка

Глава 1. Причины

Когда я училась в девятом классе, мы с одноклассником Сашкой шли из школы домой. Мы рядом жили. Тогда весна была, но довольно холодно, хоть и солнечно. Под ногами поблескивал хрусткий лед, покрывший асфальт тонкой глазурью. Сашка отталкивался и скользил. У меня не получалось.

Шли себе потихоньку, болтали, придуривались. Мечтали о лете, он пообещал мне велик наладить к сезону. Я в этих шестеренках так и не смогла разобраться.

На прощанье Сашка сказал «пока-пока», помахал рукой и свернул за угол. Я постояла пару минут, подумала – как мне повезло, что у меня есть такой хороший друг, и вошла в свою парадную.

Уже тем же вечером его начали искать родители. Чуть позже – полиция. Родители метались, подняли на ноги отряд волонтеров, с которыми прочесали чуть ли не весь город, обклеив Сашкиными портретами половину домов в городе. Листовки с призывами сообщить сведения о пропавшем мальчике привели к ложным надеждам. Какие-то люди уверяли, что не далее как вчера видели Сашку. Причем – одновременно в абсолютно разным местах. Даже в Киришах и Великом Новгороде.

Спохватившись, пригласили собаку. Которая взяла след, дошла до двери в парадную и села на попу. Судя по всему, она что-то знала, но рассказать не могла. Поэтому ссутулилась и молча ненавидела людей, даже свою хозяйку.

Потом надежда отыскать сына растаяла и родители загоревали. Дело о пропаже их сына теперь считалось делом об убийстве. Надежда еще оставалась, но таяла с каждым днем.

Поначалу я носилась вместе со всеми и даже не побоялась лазить по подвалам, чердакам и люкам. Я родителей Сашки очень жалела, до слез, но потом они выели мой мозг вопросами и допросами. По их мнению, я должна была заметить что-то необычное в поведении сына, знать какие-то постыдные тайны навроде наркотиков и мрачных сект, или заметить крадущегося мерзкого незнакомца. Дураки они – ничего такого в нашей жизни не было. Мы просто шли вместе, а потом он свернул за угол. Из света в тень.

Сначала меня выпрашивали, потом запугивали, отец Сашки даже пытался меня подкупить, а потом долго взывал к моей совести.

Я начала психовать, повторяя одно и то же по сто раз на дню родителям, полиции, учителям, знакомым, своим родителям, соседям, фиг знает кому. Из-за моих психованных ответов, учителя заподозрили меня во вранье и скрытности. Я еще больше разозлилась, даже обозвала нашу классную банным листом на жопе. Вот тут я точно соврала – она гораздо хуже. Она – созревший репей в волосах.

Одноклассники проводили свое расследование и тоже задрали меня до помутнения рассудка. Как я их обозвала даже повторять не буду. Обозвала и перестала разговаривать. Как глухонемая. Тогда меня начали сторониться, подозревая и даже ненавидя. Мне припомнили все, даже то, что я рыжая. И что с первого класса – необщительная. Вранье все это. Нет, конечно я рыжая как лиса, но друзья у меня есть, но они старше меня и мы в школе только здороваемся, чтоб лишних разговоров не возникало.

И еще меня возмутило как быстро выволокли на свет все мои промахи и ошибки. Припомнили даже, как я случайно попала снежком в окно учительской. И как болела каждую зиму. Вот уж криминал! Как будто мои ангины помогли исчезновению Сашки.

Напоследок меня школьный психолог загипнотизировать пыталась, из-за излишнего рвения и в надежде, что я расскажу, куда спрятала Сашкино тело. Что она себе нафантазировала – даже предполагать не буду.

Спасибо, хоть мои предки не стали меня допекать, но я и с ними не разговаривала. Мне молчать понравилось. Пока молчишь, к тебе перестают лезть с расспросами.

Оставшись в полной изоляции, я смогла спокойно подумать о происшествии. Пытаясь понять, как можно в центре города среди белого дня испариться вместе с вещами. Проходила Сашкин последний путь, обследуя каждый сантиметр в поисках улик, следов крови, борьбы, потайной двери, но, как и все, не нашла ничего.

Тогда я начала изучать все, что есть в сети про пропавших людей, включив песню группы Рок-Острова «Ничего не говори». Меня фраза «Я уйду и не вернусь» зацепила, хотя песня не грустная совсем и даже на другую тему.

Отсутствие гениального ума не помешало мне выстраивать версии, одну поганее другой. И про продажу внутренних органов, и про выкаченную кровь, и про маньяков-садистов. Но Сашка был высоченным спортсменом и просто так без боя не дался бы, да и у маньяков не было шансов его уболтать на милую прогулку для рассматривания несчастных пушистых котят. Я слабо представляю, на какую приманку можно было бы заманить Сашку.

Получается, он испарился сам по себе. Растаял, как Чеширский кот. И даже улыбки после себя не оставил.

Пришлось признать очевидный факт – моего ума не хватило для придумывания внятных объяснений. Пришлось лезть в сеть за подсказками. Оказывается, за год на Земле неведомо куда пропадает около двух миллионов человек. Офигеть, даже если взаправду бесследно пропавших, всего один процент от этой цифры, а прочие такие же как батальон один дробь пять королевского норфолкского полка. Не батальон, а легенда какая-то – одновременно бесследно сгинула толпа народа, да еще и у всех на глазах. Во время боя вошли в облако, которое какого-то лешего прижалось к земле, и больше их никто не видел. Как сквозь портал прошли в другое измерение.

После более тщательного изучения истории полка, выяснилось, что ни фи́га они не исчезли, несколько трупов были потом обнаружены, правда в другом месте и странно изувеченные, так что тут дело не в портале, а, по мнению очевидца – нечистая сила поработала.

Мое настроение прыгало от оптимистичного, до подавленного. И все из-за количества теорий и бессовестного вранья, которыми эти теории были приправлены. Полк меня сначала вдохновил, а потом разочаровал. Словно на миг мелькнула надежда, а потом сказали – фокус-покус, никакой сенсации не было, извиняйте, господа.

С остальными бесследно исчезнувшими все было удручающе понятно – никаких следов не найдено, словно испарились. Вру, иногда буквально через месяц находили истлевшие скелеты, как будто человек умер много лет назад в сотне километров от места пропажи. Если не врут – получатся, что пропавший где-то исхитрился прожить долгую жизнь под чужим именем, не помня себя прежнего.

Поговорила с той теткой в погонах, что вела дело о пропаже Сашки. Ее мнение выглядело примерно так – его убили и если повезет, мы потом найдем труп. В чем заключается везение я даже понимать не захотела.

– А может его в рабство украли, или на органы, а?

Тетка сощурила глаза как презрительная кошка и хмыкнула.

– А вот панику нам разводить не надо! Иди себе. Кыш!

Он ее выкрика я вылетела из кабинета как пуля и даже некоторое время бежала по улице, не оглядываясь. Между лопаток холодел страх – словно меня прямо сейчас застрелят.

Придя в себя, я перешла на быстрый шаг, постаралась забыть про испуг и решила снова углубиться в интернет-версии. Про тетку с ее пониманием везения вспоминать не хотелось. Пусть себе на трупы радуется, а мне Сашка живой нужен.

В тот же день я обзавелась тетрадкой, в которой записывала самые перспективные идеи. На первом месте были порталы, о них чаще всего писали исследователи. Кстати говоря, про густой туман или облако, внутри которого терялось ощущение времени, упоминали многие очевидцы. Кроме тумана, местами переходов считались перекрестки, межевые канавы, куски суши между морем и берегом во время отлива, в общем, все границы между мирами.

Люди пропадали поштучно, парами, группами, толпами, иногда даже поселками и деревнями. Что такое «Водовороты времени» я так и не поняла, но меня сильно поразили факты появления волосатых диких людей в Англии в начале прошлого века. Прикольно – идешь ты по лондонской улице весь из себя лорд, а навстречу тебе конкретный неандерталец плетется. Слегка удивленный, но голодный как пес и с дубиной в мускулистой руке. Хвать по цилиндру, пенсне вдребезги и никакой ты теперь не лорд.

Про «Петлю времени» тоже не очень понятно, хотя в доказательство этой теории собрано наибольшее количество доказательств и фактов. Если мой одноклассник влип в эту коварную Петлю, то он непременно вернется, только неизвестно где и когда. Скорее всего, я уже старухой буду, а он так и останется учеником девятого класса.

Вот черт, я же тогда от зависти помру.

Самой дурацкой из найденных историй мне показался случай с английским кучером, который ненароком проскочил в современность, увидел поезд, свихнулся и немедленно вернулся в прошлое, к себе домой. Вот не повезло бедняге.

На закуску оставались фантастические теории про инопланетян, в которые мне поверить было невозможно. Мне проще в рентабельность большого адронного коллайдера поверить. Или в справедливость цен на листочках с квартплатой. Что в принципе одно и то же.

Очередные сутки сидения перед монитором закончились песком в глазах. Болела шея, задница и ощутимо хотелось есть. Проверив какое сегодня число, я вздрогнула. Оказалось, что поиски нужной информации заняли не сутки, а почти двое. Добравшись до кровати, я провалилась в сон. В котором мелькали жареные куры, сочная буженина и облака, в которых все это великолепие исчезало.

Проснувшись, я плотно позавтракала и решила суммировать добытые сведения. По-честному, из всего прочитанного, меня зацепило только одно предположение. О существовании неких порталов, неправильное название, но другого нет, через которые человек может случайно перейти в другой мир. Как это происходит, не знал никто. Некоторые считали, что порталы есть повсюду, надо только соблюсти все необходимые условия для перехода, например проскакать по знакомой лестнице на левой ноге, почесывая правое ухо и напукивая Полет кондора. Подходящее время перехода – полдень, полночь, но это тоже вилами по воде писано.

Исследователи теории параллельных миров, указывали на достоверные приметы порталов, на удачное время для переходов. Они много что понаписали, однако никто из них перейти не сумел, значит – нафантазировали.

Закончив с версиями, я перешла к реальности. Переписав все известные случаи непонятных исчезновений людей в Питере, я составила карту адресов и прилежно обошла их все. Обычно мне приходилось начинать поиски от домов, где жили пропавшие, от их места работы и от школы. Все объявления начинаются со слов «Вышел из дома...». Вот я и выходила из разных домов, шла, ничего не чувствовала, хотя надеялась на прозрение. Никакой системы не смогла просчитать. Я стала как азартная собака-ищейка, потерявшая след и нюх одновременно. Я ведь была уверена, что именно я смогу разгадать эту загадку.

Не получилось.

Расстроилась жутко. Оставался последний шанс и я им воспользовалась. Попыталась расспрашивать семьи пропавших. Двери открывались и захлопывались перед моим носом, как только люди понимали, что он меня нечего ждать новостей. Меня посылали с разной степенью вежливости, но в одном направлении. Только одна иссохшая от горя старенькая мама все умоляла – найди ее, отыщи мою девочку. Двадцать лет прошло, а она еще на что-то надеется и не сходит с ума.

Придя домой я прошерстила странички В контакте. Оказалось, что и там есть над чем подумать. Пропавших было много. Часть найдена. В их память были странички тоже. Случайно наткнулась на дяденьку. Он юрист. И каждый раз, когда пропадает маленький ребенок – едет и помогает в организации поисков. Неважно в какой город. Вот такой он человек. Переписка с ним меня огорчила. Во-первых, он был в какой-то деревне на окраине страны. Там девочка пятилетняя исчезла. А во-вторых, он честно сказал – просрали мы бездарно нужное время. В общем, кроме искреннего сочувствия я ничего не получила. Но он хоть про труп ничего не сказал.

По его совету, прочитала пособие – как правильно поступать, если у тебя кто-то пропал. Пункт первый мы выполнили как надо – чуть ли ни с первой минуты развесили листовки с фото. Много-много. Еще нужно было не лениться вопросы в районе пропажи задавать, показывая фото. Там много советов было правильных. Но дяденька верно заметил – время упущено.

Признавшись в своем поражении, я изменила прическу, выкрасившись в многоцветный протест. Понравилось только маме, она сказала, что я теперь как радуга. Папа пришел в ужас и был не против побрить меня налысо.

Теперь моя внешность вполне соответствовала внутреннему миру.

Постепенно жизнь начала входить в прежнюю колею. Ни я, ни одноклассники не рвались к общению, зато учителя теперь бесились не из-за пропажи Сашки, а по поводу моего внешнего вида. Романтически настроенные девочки мое поведение начали объяснять влюбленностью в Сашку. И даже принялись меня жалеть. Отчего моя жизнь стала почти невыносимой.

А потом, когда я решила, что все самое страшное позади, случилось вот что – пришла СМСка, в которой мне предложили денег за проверку одного из вероятных порталов вне пределов города. Меня она даже не удивила. Я попробовала выяснить, от кого – но «номер не существует».

По-честному, я разозлилась и быстро забыла о странном предложении.

Неделей спустя мне на страничку в контакте пришло сообщение, в котором были указаны точные координаты портала и расписано как доехать до места. Страничка таинственного незнакомца была левая, только что состряпанная, без друзей и записей на стене, даже фоток не было. Но этот тип не счел нужным скрывать, что он тоже проживает в Питере и интересуется «возможностью перехода в параллельный мир».

В ответ я написала какую-то невежливую гадость. Но в конце недели получила денежный перевод на пятнадцать тысяч рублей и не поленилась сходить его получить.

День был теплый, для солидности я нарядилась как взрослая. На каблуках шла, покачиваясь, накрашенными ресницами хлопала будь здоров, принималась к маминым духам и прикидывала – выгляжу ли я как человек, которому кто-то может вот так запросто отвалить такую кучу денег. И еще я трусила – вдруг мне сейчас скажут:

– Деточка, приходи с родителями.

Не сказали. Пока я рассматривала свою корявую подпись в паспорте, мне отсчитали деньги и не задали никакого вопроса.

Пожалуй только тогда мне пришло в голову по обратному адресу отыскать щедрого дарителя.

Деньги выглядели вполне себе настоящими, а вот адрес разочаровал. Как выяснилось – по нему никто проживать не мог. Поскольку дом этот не так давно переделали в бутик. А в бутике дядьки с такой фамилией не было.

Вечером мне напомнили, что проверку нужно зафиксировать на фото, которые нужно выложить на страничке в контакте, написать подробный отчет, а на эксперимент не тратить больше трех дней. И указали подходящую дату для перехода.

Вместо портала по указанным координатам были найдены кованые ворота. Которые вели к Неве, но непонятно откуда. Если подняться наверх, то было видно, что дорожка от ворот располагалась чуть ли не в овраге, заваленном строительным мусором, чуть дальше и левее я заметила заброшенный дом, белый такой, с отвалившейся белой штукатуркой и с зелеными ставнями, но стекол в окнах не наблюдалось.

Ворота никак не вязались с этим странным местом. Хотя они и простые были, но метра три высотой.

Я прилежно прошла в приоткрытые створки много-много раз. По Неве плыли задумчивые важные корабли и баржи, волны шелестели по берегу, а я как полная дебилка сновала по предполагаемому portalу туда-сюда. Устала как пес. Но задание выполнила. Напоследок прихватив из свежего раскопа ржавый футляр от фашистского противогаза и прострелянный советский котелок.

После расходов у меня осталось больше десяти тысяч, на которые я срочно купила новый велик. Кроме велика я получила первый настоящий опыт полевой работы и подспудно почувствовала себя полезной какому-то незнакомому человеку. Мне он виделся близким родственником одного из пострадавших, скорее всего, сильно занятым или инвалидом. На большее фантазии не хватило, зато теперь я с нетерпением ждала нового задания и постепенно заразилась мечтой отыскать хоть один рабочий портал, пройти через него в тот мир, где я обязательно найду Сашку.

Если бы меня спросили, как сделать так, чтоб пропавших без вести стало меньше, я бы посоветовала вживлять людям маячок. Чтоб даже покойника могли отыскать по сигналу. Как это сделать – я не знаю, но верю, что это вполне возможно.

Глава 2. Юбилейный переход. Дверь

Дверь выглядела не совсем обычно. Деревянная, толстая, с облезлой краской, точнее – тремя. Зеленая, бежевая, преимущественно – темно-коричневая. Мощная домовая входная дверь. Вместо ручки – тукало. Я бы сама никогда не догадалась, что это приспособление именно – тукало, но как раз вчера видела похожее в магазине. Там кузнечные произведения продают. В павильоне рядом с Гостиным двором. Люблю туда заходить, поглазеть на картины и всякие антикварные штуки.

Если совсем коротко описать тукало – это дверная ручка, которой можно стучать. Заменил кулака, нет – звонка. Или ноги, которой некоторые пинают дверь, зачем они так делают – кто знает. Наверное, лавры Вини Пуха спокойно жить не дают, «Сова, открывай, медведь пришел!».

В магазине тукало тюкало негромко. А на двери издавало глубокий громкий звук, напоминающий ритуалы вуду или осаде крепостей. И еще – это тукало было произведением кузнечного мастерства. Его основание отдаленно напоминало фирменную французскую лилию. А сама ручка была в форме льва, страдающего, оттого, что его челюстью били об основание. Зубы оскалены, глаза вытаращены. Сразу видно – фигово ему биться мордой ради чужой прихоти.

Любому другому человеку первой пришла бы на ум мысль свинтить это самое тукало. Потому как кованые вещи сейчас в цене. Даже поразительно, что его до сих пор не сперли.

Мне свинчивать пока ничего не хотелось. Я пристально разглядывала дверь, теперь – с изнаночной стороны. На ней ручки не было вовсе, была копеечная стальная задвижка. Которую я немедленно открыла. Створка тут же приоткрылась и в щель пролетела мелкая муха.

Кроме тукала у двери была еще одна странность – она одиноко стояла посреди зеленой лужайки. Слева, метрах в пятидесяти, находились три редких забора, за которыми виднелись чахлые сады-огороды. Разграбленные железные гаражи по правую руку выглядели не менее удручающе. Людей поблизости не видно, но тропинка у заборов была, а на сером железе гаражей красовались угрожающие надписи с точными указаниями, что ожидает грабителей. В основном владельцы уже выпотрошенных гаражей мечтали заняться сексом с ворами в самой извращенной форме. Реже – просто убить.

Мы стояли перед дверью и решали, как поступить дальше. Была мысль выпить кофе из термоса. Перекусить бутерами. Или сразу приступить к делу.

– Юбилейный портал, – словно намекая на повод для праздника, насмешливо сообщил Пиксель.

– Не шути, а?

Он посмотрел на меня из-под козырька кошмарной кепки спокойно, не как на идиотку. Для него мои поиски – отличный повод размять ноги и не быть одному. Кстати говоря, прозвище Пиксель он получил вовсе не за габариты. Он меня на голову выше. Изредка я подозреваю, что он слегка в меня влюблен. Чаще – что он меня опекает, чтоб потом совесть не мучила, если со мной гадость случится.

– За год – девять попыток. Эта – десятая, – уточнил Пиксель.

– Надеюсь, сутки долбаться не будем. Погода..., – вяло промямлил Тоник, не слезая с велика.

– Что погода? Жара, – возмутилась я.

– Вот именно. У нас мало воды. Иссохнем как мумии. Я уже неделю без мочи живу, – Тоник не всегда ноет, временами он очень деятельный оптимист, но не сегодня.

Его недавно девушка бросила, вот он к нам и прибился за компанию. Он так всегда делает, когда его бросают. С нами переживать трагедии гораздо веселее.

Пиксель, когда в ехидном настроении, называет Тоника гламуристом. Из-за его любви к модному всему. Тоник даже трусы простые покупать не будет. И в обычную парикмахерскую не пойдет. И стрижки у него всегда ассиметричные. И он в курсе всяких модных тенденций.

– Люди меня запомнят красивым, – от таких признаний с ума сойти можно.

Я вот на внешность гораздо меньше трачу времени и денег. Из-за чего часто выслушиваю массу критики.

Божья коровка, растопырив крылышки, пролетела мимо моих глаз, заложила вираж и приземлилась на плече Пикселя. Но он ее не заметил.

– Меня все время поражает – всего полчаса от города, а как в другое измерение попадаешь, – вдруг заметил Тоник и добавил: И в городе иногда то же самое бывает, свернешь за угол, а там другой мир.

Конечно, мне тут же вспомнился Сашка, но речь явно шла не о нем.

– В переулках скукота и серость, а на Невском жизнь кипит...

– Кипятком, – зачем-то продолжил Пиксель.

Я слушала их пререкания, раздумывая, почему у некоторых мальчишек ноги как у кузнечиков.

Нет не зеленые и коленками назад, но похожи. Странно, Тоник мне в целом нравится, а ноги – нет.

– ... да, тут место не для таких как ты, – привычно пошутил Пиксель.

– Хватит до меня докапываться..., – судя по ответу Тоника они сейчас снова затеют длинный обмен любезностями.

Божья коровка решила, что отдыхать на таком беспокойном аэродроме небезопасно и, растопырив крылья, тяжело взмыла вверх. Пролетела над дверным косяком и растворилась в небе.

Надо же – это хорошо Пиксель сказал – юбилейный проход. Где мы только не проходили. Была железобетонная арка в поле, как окаменевшая серая радуга. Был заброшенный колодец, как язва в траве. Я в нем чуть коньки не отодвинула. Если бы не Пиксель – там бы и осталась. Тогда Тоника еще с нами не было.

Еще была странная роща из кривых, как вопросительные знаки, деревьев. В которой не было замечено ни единой птицы. Были три заброшенных кладбища. Одно – татарское, удивительное тем, что в самом его центре бил чистейший родник. Из которого кроме ледяной воды пробивались странные монеты, которые мы не стали брать. Второе кладбище оказалось – шведским. Там крест в земле погибал – классный, каменный, резной. И тяжелый – не утащить.

На третьем, русском кладбище мы были втроем. По совету заказчика пришлось проходить через склеп какой-то купчихи. У склепа присутствовали все признаки портала: рядом дерево с двумя стволами, пополам расколотое молнией, пересечение четырех дорожек, синий огонь по ночам, компас глючил как положено, даже поведение ворон соответствовало. Я давно начала составлять список подобных примет.

Купчиха была не просто так – она дала денег на постройку церкви. Остов которой стоял на макушке холма, снизу речка с идеальным изгибом под прямым углом, а на склоне – могилы, имена с ятями, четыре склепа, «наш» – самый впечатляющий.

В полночь у нас случился коллективный глюк – отчетливо видели приведение. Я и Тоник, Пиксель в это время уснул прямо у подножия мраморного ангела, завернувшись в спальник. Сразу скажу – я здорово испугалась поначалу, а Тоник был возмущен. Он ожидал от приведения большей бестелесности. Дурак какой – разве купчихи тощими бывают? Не

удивлюсь, если он понадеялся, что возникнет юная красивая девушка, которая увидит его, Тоника и воспылет к нему нежными чувствами.

– Сейчас не то что раньше. В те времена, чем толще, тем красивее, – напомнила я, невольно защищая купчиху.

– Врешь ты все. Не может бегемот в плащ-палатке считаться красивой, – продолжал критиковать Тоник.

– На себя примеряешь? Прикидываешь, как бы ты смотрелся в роли купца? – догадалась я.

– А купцового склепа-то нет! – вдруг вспомнил Тоник.

Я тут же придумала историю про отважного торговца шелками, который сгинул в пучине, стремясь в чуждадельные страны. Загоревала немного.

– Если бы ейный муж тут был похоронен, он бы тебе устроил ночь перед рождеством, – моя шутка заставила Тоника замолчать.

Вопреки постулатам материализма, приведения довольно часто бродят по ночам. Я думаю, они и днем бродят, только их не видно из-за яркого света. Их и ночью не каждый заметит. А если и заметит, то скажет «показалось-почудилось». Вот Тоник точно не такой – сразу уставился на купчиху, глаз с нее не сводил и комментировал. Думаю, именно из-за его комментариев она и свалила, даже не захотела показываться в следующую ночь. Небось, сидела в своем склепе и злилась. Приведения тоже обидчивые бывают, я точно знаю.

Что же мы успели еще обследовать? А! Зимой была брошенная фабрика елочных игрушек. Кстати говоря, там тоже призраков хватает. Даже странно это. Я еще понимаю, когда человек после смерти привязан к своей усадьбе или месту гибели, но почему нужно и после смерти на работу таскаться – ума не приложу.

Игрушками мы слегка поживились. Трудно было удержаться. Тоник набрал гирлянд из цветных бусин, соединенных стеклянными синими трубочками. Повесил их себе на шею и так ехал до самого дома. На нас все таращились и улыбались.

– Мама просто обалдела. Говорит, точно такие были у нашего деда на елке, но потом потерялись при переезде.

На фабрике портал выглядел как два рельса, которые упирались прямо в стену. Над ними зиял пролом, с торчащими обломками красных кирпичей. На некоторых кирпичах были тавро в виде подков. Тогда мне показалось, что это признак удачи, но чуда не произошло.

Много где мы побывали в поисках рабочего портала, сейчас все не упомнишь. Вместо памяти – дома есть фотки, записи.

Обычно на проверку уходило трое суток. Пиксель сначала фоткал мои переходы, потом отправлялся осматривать окрестности, не бросая меня надолго в одиночестве. Боялся, что хулиганы обидят. Или сопрут мой велосипед. Однажды такое случилось. Пришлось отбирать, а Пикселю тогда здорово досталось от двух неопохмелившихся гопников.

Когда ему надоедало фоткать и караулить, Пиксель устраивался рядом с порталом и жевал снесь приготовленную его бабкой. Она классно пирожки печет. Да и мама у него настоящий кулинар. Вкуснее ее пиццы я ничего не пробовала.

Тоника я не приглашала со мной ездить. Я бы никогда на такое не решилась. У меня бы на это духу не хватило. Потому что он наверняка бы ответил вежливым дружеским отказом. После которого я бы долго приходила в себя, ругаясь на свою назойливость. С ним временами сложно бывает. Он вообще-то замкнутый такой. С детства. Никто не знает, что у него в семье стряслось, но в школу он пришел в третьем классе и долго ни с кем не разговаривал. Многие даже думали, что он немой. Его учителя жалели и даже к доске не вызывали. А родители при упоминании о Тонике строили многозначительные лица, слегка краснели и мямлили «а, это тот самый мальчик».

Конечно, все быстро придумали воз предположений, но поскольку никто правды не знал, интерес к тихому, слегка ожесточенному мальчику угас. А потом мы выросли и Тоник стал как все, только иногда психануть мог. Своеобразно так – вдруг замолчит и уйдет. Мы привыкли.

– Мелкая, хватит на меня таращиться, – Тоник и Пиксель часто так меня называют, ведь они старше меня почти на два года.

Покраснев, я перестала смотреть на Тоника и уставилась на дверь. Дверь напомнила мне наши фасадные стены без домов. У нас теперь таких чудес предостаточно.

– Лабуда все ваши поиски. Порталов не существует. Их придумали фантасты и шизофреники, – тезис Тоника для меня не новость, но Пиксель тут же начал приводить факты и аргументы в стиле «Ты атом видел? Не видел. Но это не означает, что он не существует».

Спорящий Тоник выглядит неприглядно, его красивый румянец на щеках превращается во что-то нездоровое. И еще у него привычка дурацкая, когда злится – он запускает руку в волосы и скоро становится косматым как барбос. Вот как сейчас, когда он доказывал бессмысленность моих поисков.

– Эй, ты что, уснула? – Пиксель бдительно следил за моим лицом.

Я смотрела на дверь. Она меня восхищала своей несуразностью. Наверное, больше меня бы могло удивить только окно без стены. Просто поразительная дверь с потрясающим тускло сияющим тукалом. От прикосновений к которому возникало в душе острое трепыхание нетерпения, как при виде любимого человека. Со мной каждый раз такое. Надеюсь, предвкушаю, обламываюсь. В любви со мной – тоже самое.

Там, где у двери должен быть порог, выросла высокая сочная нехоженная трава. Странно. По мне – про дверь не могут не знать, ведь ее сложно не заметить. А если заметили – будут хотя бы ради прикола ходить туда-сюда. Блин, ну что за люди у нас тормознутые – с весны никто не топтался рядом с порогом.

Пиксель и Тоник продолжали смотреть на меня выжидающе. Как два взрослых пса на шкодливого щенка.

– Я пошла?

Еще раз проверила задвижку. Открыла ее. Негромкий протяжный скрип, глухой стук двери об раму.

– Если у тебя получится, что с великом делать? – серьезно спросил Тоник.

– Я тебе его завещаю.

Первый шаг всегда самый нервный. Кто бы, что не говорил, я верю в реальность перехода. А в результате – брожу туда-сюда. Ни в какой другой мир не попадая. Не меняясь. Не проваливаясь во время. Не приобретая новых способностей. И все равно каждый раз, отыскав новый портал, волнуюсь.

Шаг получился не очень торжественный – я зацепилась штаниной за острое незаметного гвоздя. Чуть не улетела кубарем в проем. Это все, потому что на дверной раме снизу доска широкая приколочена, пришлось ногу задирать выше, чем ожидалось.

– Ты не спеши. Я же снимаю, – напомнил Пиксель, у него фотик на меня нацеленный.

Через полчаса сочным потом пропиталась и майка и даже волосы стали влажными. По затылку ползли капли, стекая на шею.

Лицо я вытирала салфеткой. Сейчас многие с ними ходят. Все-таки уникальное выдалось лето. Я даже с веерами много женщин видела – как в Испании. Только наши ни фига на испанок не похожи. У наших какое-то неверное выражение лица. С таким обычно огород вскапывают. Или размышляют о мозоли на пятке. Только единицы трещат веером с каким-то неприлично игривым лицом, стреляя глазами в поисках восторженных кавалеров. То еще зрелище.

– Сфоткай меня, а? – попросил Тоник.

Сфотографироваться ему важнее, чем уйти в другое измерение. Оно ему оно без надобности. Хотя, кто его знает? Быть может, у него есть своя причина искать счастья таким странным способом.

Пиксель поначалу был уверен, что у меня бзик по фазе на почве чувства вины. Но я ему доходчиво объяснила, что теперь дело даже не в Сашке. Ведь столько людей исчезло. И моя цель – узнать как это происходит. Ничего личного. Тупой поиск ради поиска. Даже деньги не в счет. Хотя я к ним очень даже привыкла и делила на троих, по-честному. Правда, ребята ни разу так и не взяли ни копейки.

– Чего тебя фоткать – ты просто стоишь как столб. Ты позируй давай, – ворчал Пиксель.

Тоник тут же начал позировать. Рассмотрев его голый торс, я позавидовала. Нет, мне неохота стать мальчишкой, но им гораздо удобнее переносить пекло.

– Все, с меня хватит, я в тень ушел, – по мнению Тоника, мир состоит из сплошного вреда для здоровья.

Только и слышишь – это нельзя, это вредно, а от этого помереть можно. Я почти уверена, что одна из его девушек училась в медицинском. И он от нее понабрался всяких знаний, которые как зерна упали на благодатную почву. Иногда мне хочется треснуть его по красивой башке, чтоб он точно знал, от чего померет.

– Ладно, уговорили, я тоже хочу запечатлеться, – Пиксель всучил мне фотик.

Я потрясла головой, чтобы немного проветрится. Отошла с камерой на несколько шагов. Кадр получался что надо. Пиксель таинственно выглядывает из-за двери, стоящей на фоне травы и кустов. На секунду он замешкался, нога поднята, лицо задумчивое. Я щелкала, снимая покaдрово, как он оказывается по ту сторону двери.

На минуту мне показалось, что у меня проблемы со зрением – дверь стала какой-то расплывчатой, словно ее марево искажает. Пиксель тоже нечетко смотрелся, но фотик не обманешь – картинка получалась четкой.

И все-таки именно в этот момент я вдруг поверила – это случится именно сегодня и здесь. Перевела дыхание и продолжила фотографировать.

Вопреки всем моим ожиданиям, Пиксель не исчез. И это хорошо. Потому что никто не знает, сможет ли он вернуться. Я всегда боялась сложностей с обратным переходом. Особенно поначалу, а потом стала надеяться на авось, хотя это глупо и опасно.

Даже тот, кто оплачивал поиски рабочего портала, постоянно предупреждал – пересекать портал нужно медленно, чтоб оставалась возможность сделать шаг обратно. Но что тут поделать – привыкли мы безрезультатно ходить, да и ребят не убедить в реальности опасности. Они даже на кладбище резвились как придурки, хотя там шею свернуть – раз плюнуть.

– А если ты попадешь в волшебный мир, чтобы ты хотела там получить? – спросил Тоник.

Хороший вопрос. Я много над ним думала. Если в другом мире будут всякие чудеса, я бы хотела такую штуку, чтоб она дала бы мне много-много знаний. Оказывается, Тоник хотел бы стать непобедимым бойцом. Наверное, ему есть кому дать в морду. Пиксель был легкомысленнее нас. Он хотел «просто посмотреть» и «чтоб было весело». Ну и стать чем-то вроде Бетмана он был не против.

– Ну вот, а все так правильно начиналось – мы же сможем первое – узнать бывают ли другие миры, а второе – есть ли в них наши люди, – проворочала я.

– Не ной. Раскинь умом, мир это тебе не запрограммированное чудо. Там вообще может кроме кипящей смолы ничего не покажется.

– Откроем смоляной заводик, – беспечно обрадовался Пиксель.

Он освоил тукало и теперь перед тем как войти, по-разному оглушал дверь. Звук был странный. Глухой. Гулкий. С коротким эхом. Хотя, я что знаю как звучит старое кузнечное тукало? Может у этого льва башка пустая, или из какого благородного металла отлита.

– Класс! Такие ощущения странные! – бодро заорал Пиксель и решил вернуться обратно.

На снимке было видно половину правой ноги, попу Пикселя и руку, которой он держался за дверной косяк. Остальные запчасти моего друга отсутствовали, словно отрезанные дверью. Одна треть полностью испарилась.

– Ох не фигу себе! – оживился Тоник и выплюнул обгрызенную травинку изо рта.

– Стой! – завопила я.

Пиксель не послушался и окончательно перешагнул через доску. Следующий кадр – пятка пикселева кеда. И больше ничего. Кроме профиля самой двери.

– Мама! – пискнула я.

Тоник замер. Руки раскинул в разные стороны. ПреведМедвед. Охреневший напрочь.

Пикселя не было. Дверь немного покачнулась и замерла. Сев на траву, я хватала горячий воздух пересохшим ртом и не знала, что делать дальше. Зачем-то сделав несколько снимков одинокой раскрытой двери, встала и решительно повторила путь Пикселя. Ум смутился и заподозрил мозг в сумасшествии. Но нет. Я не сошла с ума – Тоник тоже все видел.

На третьем переходе я буквально врезалась лицом в голую грудь сияющему Пикселю.

Глава 3. Переход

– Я тоже так хочу! – Тоник, убежденный в своем праве, забыл про всяческие опасности и ринулся покорять дверь.

За гаражами залаяла собака. Вяло, без злости. Скорее всего – на чибисов, которые кружили и жалобно выкрикивали «чьи-вы». Проводив их взглядом, я уставилась на довольную рожу Пикселя.

– А что ты там видел? – мой голос дребезжал.

– Где? А, ты про это..., – ну вот, теперь всю душу вымотает, прежде чем расскажет.

Когда он перестал выкобениваться, то выяснилось – не видел он ничего. Он даже не понял, с какого перепугу мы так всполошились.

Завершив многократное и безрезультатное преодоление двери, Тоник встал рядом, взъерошенный, лицо красное, как при высокой температуре.

Я перелистала тыкала пальцам в кнопки, перелистывая фотки. Яснее ясного – переход случился.

– Ура, – заглядывая мне через плечо сказал Пиксель.

Тоник стоял рядом и злился.

– Давайте, время сравним, – мою просьбу выполнили, оказалось, что Пикселевы часы на мобилке отстали на три минуты.

– Не факт! Мы же их до того не сравнивали, – справедливо уточнил Пиксель.

Вот незадача. Мой промах, досадный и непоправимый. У меня из под носа уплывали доказательства великого события. Кроме невнятных фоток, которые могут счесть монтажом, никаких неоспоримых улик.

– Смотри! – бросок ранее неагрессивного Тоника сбил Пикселя с ног.

Я посмотрела. На удивленное лицо Пикселя, на Тоника, который сидел у друга на пузе. Ужас какой – доходились. Или это с ним от жары?

– Ты на ноги его посмотри! – в голосе Тоника звучала кровожадная убежденность.

У Пикселя были выдающиеся кедосы. Клубничный верх и зеленая подошва. Так вот, на этих самых зеленых подошвах прилипло несколько хвойных иголок. Вроде как от сосны. Сдвоенные такие и довольно длинные. Кроме хвоинок я заметила немного светлого песка.

– Разувайся, – потребовали мы хором. Пиксель соорудил рожу, но подчинился и начал расшнуровывать кеды.

– Идиотики, честное слово. Один уронил, другая глаза как сова вытаращила...

Сидел такой босоногий и пытался пошутить.

– Теперь я буду называть тебя «гламурный зоркий глаз», – Тоник не стал радоваться.

Он держал двумя пальцами сосновую двойную серебристо-зеленую иголку и не мог прийти в себя от изумления. Понюхал ее. Сломал и снова понюхал.

– Свежая.

Постучал кедом по ладони, вытряхивая крупички песка.

– Надо положить все это в пакетик, отнести на экспертизу, – приказным тоном руководил Пиксель.

– Ага. Вот вам, господа ученые, миллиграмм песка и четыре сосновые иголки. Мы уверены, что они прибыли к нам из иного мира. Сколько-сколько вы хотите за экспертизу? Да вы что, офигели совсем! – Тоник замолчал, а потом продолжил воображаемый диалог с учеными: Это же прорыв в науке! Это вы нам должны денег заплатить за такие ценные объекты!

Иногда я уверена, что ему следовало поступать в театральный. Жаль, что он пока научился только Жириновского пародировать. Зато как!

Мы поаплодировали. Тоник польщено поклонился два раза. Оба раза гаражам. Пиксель даже пенделем хотел его угостить, но не успел. Тоник верткий.

Для успокоения нервов мы вылакали весь кофе, но спокойнее не стали. Возникновение сосновых иголок объяснить было почти невозможно. В поле зрения маячили деревья, но совсем других сортов, а песку нет в помине.

– Растворимый кофе вреден для здоровья. В нем сплошные канцерогены, – заявил Тоник.

– Ну как же! Там сплошной шестивалентный хром и асбест, – психанул Пиксель, – Тоже мне – профессор хренов нашелся! Кофе – полезен. А вот курить после кофе вредно!

Тоник скептически кривил лицо. Он всегда так делает, когда заранее уверен в своей правоте. И даже если не прав – никогда этого не признает. А в остальном он хороший, честное слово.

Пикселя поведение Тоника снова довело до приступа бешенства.

– Ты ничего не понимаешь! В кофе антиоксидантов ну просто тьма. А что они делают? Правильно, мальчик, возьми с полки пирожок за догадливость. Все что нас не убивает, делает нас здоровее.

Кривизна лица Тоника достигла критического изгиба. Еще немного и он станет похож на Драко Малфоя, а если они еще немного поспорят – на Голума. А Пиксель станет как озверевший Гарри Поттер, только без очков.

Вот плевать мне было на кофе, тем более выпитый. Меня совсем другое волновало.

– Пиксель, ау! Ты стучал. Ты как-то правильно стучал в дверь. Как ты стучал? Какой ногой шаг делал? О чем думал? Быть может, ты не дышал? Нет, все дело в стуке! Вспоминай, гадина, как ты случал?

– Да не помню я. Тебе надо – проверяй сама! – мне показалось, что Пиксель теперь испугался и не хочет ходить через дверь.

Вопреки всякой логике, Тоник сначала заявил, что в другом мире наверняка дофигище радиации, а потом решительно кинулся к двери. Он экспериментировал с тукалом почти до вечера. Я – тоже. Съели вялые бутерброды, раскритикованные Тоником. В отместку за лекцию о вреде несвежих продуктов, послали его в магазин за водой. Он ворчал – до ближайшего далеко ехать, но пить зверски хотелось. Теперь даже ночью жарко. А мы собрались мучить себя и дверь, пока снова не получится перейти.

– Думаю, надо все варианты испробовать. Не то вернемся завтра, а двери нет. Или тукало это скомуниздят нафиг, – решил Пиксель.

Три удара. Два быстро и один через пару секунд. Пять быстрых стразу. Я устала запоминать и записывать комбинации. Мы устали. Взмокли. Мы выпили две бутылки минералки. Оставалась третья, последняя.

В три пятнадцать ночи – я точно это знаю, стук прозвучал иначе. И Тоник медленно ушел. Его не было не меньше двадцати секунд. Мы с Пикселем стояли, раскрыв рты и ждали. У меня внутри вместо восторга образовалась пустота. Меня это тревожило. Я так долго ждала чуда, а теперь оно снова случилось и непонятно, что делать дальше.

– А тут красиво, – голова Тоника улыбалась из-за двери.

Если бы Пиксель не кинулся в прорыв, все было бы иначе. Но он толкнул Тоника и они ввалились в проем, дверь сама собой захлопнулась и теперь я осталась одна. Три велика. Тишина. Только кузнечики стрекочут. Зеваю. Меня трясет. Но одновременно хочется спать. И еще больше хочется хоть одним глазом подсмотреть, где мои друзья.

Я не стала стучать, я просто попыталась посмотреть в еле заметную щель, рядом с дверным косяком. Она светилась немного. Только мягкий свет и ничего больше. Потом появилась тень и мне со всего маху врезали по лбу. Больше ничего не помню.

– Жива? Конечно, жива. Слушай, наверное, зря мы ее сюда притащили, – голос Пикселя доносился до моего слуха искаженно, как через глиняные наушники.

– Сейчас я ее водичкой ополосну – мигом очухается.

Только этого мне не хватало. В тот момент я не могла предположить какой именно водичкой меня сейчас окатят. Почему-то вспомнилось, что за заброшенными гаражами есть еще более заброшенные и мерзкие водоочистные сооружения. Я их видела раньше, в тот день, когда дверь нашла. От их вида кому угодно поплохее. Гигантские квадратные резервуары, заполненные зловонной жижей, из которой постоянно выползают миллионы плотных пузырей. Потом они лопаются с тихим треском и активно воняют. Гадь редкостная.

– Не надо водички, – прорычала я и попыталась сесть.

В глазах не двоилось. Но с фокусировкой пока были проблемы. Взгляд не мог удержать четкую картинку и глаза постоянно моргали. Вокруг меня не было ничего знакомого. Лес сосновый, песок под ногами. И два бодрых идиота, улыбки до ушей. Радуются. Но не на меня.

– Позырь как тут красиво, – Пиксель широким жестом указал на окружающий пейзаж.

– Как в Карелии, – голосом знатока-географа решил Тоник.

– Неа, я такие места на Валдае видел, – азартно возразил Пиксель.

– Не аргумент! А я на Малуксе такое видел, там озера, из которых песок добывают.

– Значит, это не другой мир. Это просто другое место, – огорчилась я.

Меня не смущал тот очевидный факт, что мы, перешагнув черту, смогли выбраться из помоечного пригорода Питера на природу. Но тут же решила, что эта дверь может нас озолотить. Поставим стульчик рядом с порогом и длинная очередь выстроится из горожан, мечтающих о шаговой доступности чистой природы.

– Просто другое место, – мне действительно было грустно.

А где, спрашивается, сказочная страна с восхитительными замками, эльфами, гномами и прочей нечестью? Где зеленое небо, три Солнца, говорящие собаки? Ну, хоть что-нибудь ненашенское. Я даже на Машинарию была согласна, в которой бродят мелкие поделки из железного мусора.

– Нечего ныть. Зацени, были почти в Питере, а теперь – лес, чистый воздух.

Тоник прав. Чудо произошло, но не то, что ожидалось. Я отобрала фотик у Пикселя и для отчетности начала снимать дверь на фоне сосен.

– Я и велики притащил. Все наше – теперь тут, – домовитый Пиксель азартно потирал руки.

– Три пятнадцать. Вы успели проскочить за минуту. Быть может, дверь работает через пятнадцать минут? – предположила я.

Мы оглянулись – с этой стороны дверь выглядела зауряднее не бывает – тукало отсутствовало. Задвижка была на прежнем месте. Опасаясь ненужных чудес, я осторожно толкнула дверь – блин, огороды, гаражи, все на месте. Даже собаку слышно.

– Вернуться мы всегда успеем. Пошли лучше поэйрим, что тут есть.

Пиксель беспечно оставил велик и потопал между сосен. Я боялась заблудиться, но пошла за ним. Тоник изобразил следопыта – оглядел отпечатки наших кед и с предовольным видом помчался нас догонять.

– Не заблудимся. По своим следам вернемся, – запыхавшись, сообщил он. – А мобилка тут не берет.

Мы тут же принялись выяснять работоспособность наших телефонов и согласились с Тоником.

– Опаньки – как нам повезло! – Пиксель глянул куда-то вдаль и понесся вперед, смешно размахивая руками.

Как взбесившаяся раскладушка. Стремясь поскорее очутиться там, где сияло озеро. Тоник легко обогнал его, успев подставить подножку. Толкаясь и переругиваясь, они добрались до воды и, скинув кеды, бросились в воду. Орали, плескались, прыгали, ныряли и звали меня к себе. А я что? Я тоже плавать люблю. Но у меня фотик в руках. А тут вокруг такая красота. Что не снимок – шедевр. Да и мальчишек пофоткать тоже хотелось. Только потом я завернула камеру в свои льняные штаны и обрушилась в воду. Чистейшую, почти теплую. Окунувшись несколько раз, побрела в глубину. Шла медленно, рассматривая собственные ноги. И даже когда вода подступила почти к горлу, могла рассмотреть дно как сквозь стекло. А потом на меня напали два придурка и едва не утопили.

Если бы не голод, мы бы там еще дольше оставались. Но мальчишки не могут без еды – они без нее звереют и становятся противными. Огрызаются, ворчат, придираются и даже ругаются. Совершенно не осознавая, что причина их скверного настроения – в пустом желудке. Пришлось сжальничать немного.

– Я устала. Я есть и спать хочу. У нас там уже утро. Пожалейте меня, хорошую. Не то я щас ныть начну. Ыыы!

– Ну ладно, пошли к дому. А то она скисла совсем.

Меня пожалели. Мне посочувствовали. В общем, именно я оказалась причиной нашего возвращения.

Мы успели увидеть немного. Не потому что поленились – просто там ничего интересного, кроме озера и невысоких пушистых сосен не было.

Накупавшись, мы тщетно искали следы людей, прислушивались, вглядывались вдаль – необитаемый край. Пологие холмы вокруг озера, вытянутого как толстая змея, не изобиловали дичью, ягодами и грибами. По-честному – из флоры-фауны были обнаружены только насекомые, типа заурядных стрекоз, бабочек и много муравьев. В небе летала птица, высоко – не рассмотреть.

– Карелия, – Пиксель не сомневался в своей правоте, особенно при виде крупных валунов на берегу.

Наверное, он прав. Мы в Карелии. Тут все ее признаки налицо – камни, сосны, песок. Комаров нет – но это не противоречит теории Пикселя.

– Если следы и были – их мог смыть дождь. Песок не лучшая почва для отпечатков.

– Да ладно. Если бы тут бывали люди, мусора было бы завались, – справедливо возразил Тоник.

– Может, тут вроде заповедника. Может, тут никто не мусорит, а если и насвинячит, то придут добрые люди и все уберут! – упорствовал Пиксель.

– Ага. И какашки тоже, – горячился Тоник.

Тут он прав. У нас все красивые места – как общественный туалет. Честное слово. Вроде как для природы это полезно, но выглядит ужасно противно. Про свалки я даже вспоминать не хочу. Мерзкие мы все-таки.

Слегка обследовав озерный берег, мы легко нашли путь к двери, забрали велики и пришли в свой мир. По-честному, у меня были некоторые опасения – вдруг дверь решит отправить нас не в то место. Так и воображала – отворяем дверь, а за ней – космос. И мы как стая метеоров метим через темноту на великах в поисках родной земли. Или – как окажемся на вершине Эльбруса и устроим массовый спуск по снежным лавинам. А могло быть еще хуже – логово прожорливых орков. Ммм, вкусняшки пришли...

Перед тем, как вернуться, я бросила последний взгляд на сосны и заметила, как в глазах слегка потемнело. Странное ощущение – как перед затяжным дождем или снегопадом. Мама говорит «давление упало». Но проанализировать странное состояние не получилось – меня схватили за руку и вернули в мир гаражей и огородов.

Дверь щелкнула и открываться заново не захотела.

– У меня прямо камень с души упал, – радостно сообщила я, забыв рассказать про свои фантазии.

– Как бы ногу не отдал, – сумрачно ответил Пиксель.

До меня, наверное, минуту доходил смысл сказанного, а вот Тоник в это время смеялся как последний гад.

– Дурак ты! – обозвала я Пикселя.

– Почему?

– Родился таким.

– А почему?

– У родителей спроси.

Тоник переводил взгляд то на меня, то на Пикселя. Ему явно нравилась наша перепалка. Особенно тот момент, когда Пиксель не нашелся что ответить. Пауза затянулась. Пиксель выждал еще немного и многозначительно заявил:

– Подводим итоги – жизнь задалась, а если меня дома ждут котлеты и тарелка борща со сметаной, то вааще мега-счастье.

Тут событие мирового масштаба случилось, даже в голове не укладывается – мы только что были за пределами привычного мира, а он про котлеты.

На повороте у гаражей я обернулась, не слезая с велика. И мне показалось, что из-за забора за нами следит круглое загорелое лицо. Обернулась еще раз – а его уже нет. Даже кусты не шелохнулись. За поворотом дорога шла в горку, голодные ребята здорово оторвались вперед и я решила не заморачиваться всякими таинственными лицами. Догоняла из последних сил, но пару раз влетела в ямы, сбавила скорость и плюнув на скорость, решила ехать как умею. Все равно они меня одну не оставят. Дождутся. Вон они стоят и о чем-то громко спорят.

– Предкам покажемся, выспимся и снова сюда! – Пиксель выглядел воинственно, как покоритель заоблачной горы.

– Мечтать не вредно. Во второй раз может и не получится, – скептически заметил Тоник.

– А я удочку с собой возьму, – мне ее недавно подарили, – решила я.

На ней катушка обалденная и не факт, что я смогу хоть где-то в Питере половить рыбу. Не в Неве же – там вместо рыбы нефтяные отходы и ошметки сточных вод.

– Причем тут удочка? Ты слышала – не факт что мы во второй раз сможем проникнуть в эту Карелию! – удивился Тоник.

– А я оптимистка. Не мешай мне мечтать!

– Эй, оптимистка, у тебя в холодильнике ничего вкусного нет? – вдруг спросил Тоник.

Вполне возможно, что он решил зайти в гости. Или проверял есть ли у меня еда. Или хотел пригласить к себе на котлеты. Такое внимание с его стороны выглядело нетипичным. Поэтому отвечать я не стала. Хотя совсем недавно лелеяла надежду на его приход в мой дом. Даже нафантазировала, как он вдруг захочет меня поцеловать. А теперь вдруг решила, что не нужно усложнять крепкие дружеские отношения.

Доехали до «нашего» перекрестка. Разлетелись в три стороны. Мне ехать ближе всех. Тоник снова спросил есть ли у меня еда, удивив Пикселя, до которого наконец дошло, что его друг явно напрашивается в гости.

– Еды нет, а спать хочется, – сухо отрезала я и умчалась домой, раздумывая сколько девочек отдали бы что угодно, ради такого предложения.

А я вот отказалась.

Потому как у меня дела почти интимные, и насчет пожрать я не соврала. Я в жару почти не готовлю.

Интимное дело заключалось в общении с таинственным заказчиком переходов. Дело ответственное, раз деньги получила – изволь быть обязательной. Я успела выложить фотки. Подписав их, как в комиксах. Буквально по фразе под каждой. Более подробный текст отчета пришлось отложить на потом – не то ноут словил глюка, не то контакт завис. А мне так спать хотелось, что я плюнула и оставила это дело на потом.

Проснулась около двенадцати от звонка бодрого Пикселя, который уже перед моим домом маячил на велике. Пока я чистила зубы, нарисовался Тоник, белобрысый и заспанный, как и я. Ребята были при рюкзаках и не забыли напомнить мне про удочку. Я даже знаю, почему именно. Каждый год одна и та же история со мной приключается. Мне нравится ловить рыбу. И собирать грибы. И каждый год поздней осенью, когда выпадает первый снег, начинаю проедать всем мозг своими жалобами. Хотя звучат они как философское размышление. По поводу того, что я снова так и не смогла себя порадовать. Вроде бы никто не виноват. Просто мои друзья плевать хотели на рыбу и грибы одновременно. А одной мне как-то некомфортно бродить по лесу, или сидеть на речке. Ну да, я зануда, раз в году играющая роль жертвы.

– Хватай свою удочку и помчались, – торопил меня Пиксель, азартно сверкая глазами.

Совсем скоро мы снова стояли перед дверью. К нашему удивлению, трава перед ней была снова не примята.

– Это противоречит законам природы, – постановил Пиксель.

– А то, что ты в Карелию шагнуть собрался – не противоречит ничему? – съязвил Тоник.

В одиннадцать пятнадцать новый переход случился.

Глава 4. Уха и косточка в подарок

Это было самое красивое озеро, какое можно представить. И вот мы стоим перед ним во второй раз. У меня в руках удочка. Которую я машинально готовлю к рыбалке. Удилище увеличивается, катушка крутится слишком быстро. Я стараюсь придерживать ее коленкой, пока выдвигаю новые звенья. Какая она длинная. Просто замечательная во всех отношениях. И поплавок именно такой, как мне нравится. Сплошной восторг, а не удочка.

Пиксель возился с рюкзаком. Тоник был в растрепанных чувствах и слушал музыку. У него сегодня настроение в стиле тинтоник.

– Вы как хотите, а я пошла ловить рыбу! Имею право – давно мечтала, – голос предательски дрожал.

– Прикормить не забудь, – бросив быстрый взгляд в мою сторону, посоветовал Пиксель.

Вот засада – а прикормку я дома забыла. Ничего – чипсы вполне сойдут. Торопливо, замирая от предвкушения, накидала чипсов в почти молочно-бирюзовую воду, нацепила на крючок катышек из теста и уселась, созерцая поплавок. Вздохнула, словно боясь выпустить счастье из груди. Чипсы попались непотопляемые. Сновали по поверхности как осенние листья, но я не унывала. По моему мнению они могли заинтересовать мальков, которые в свою очередь привлекут рыбу покрупнее.

Клева не было.

Нет. Все неправильно, сначала надо проверить глубину и опустить крючок поближе ко дну. Вот, теперь самое то. На тебе рыбка еще чипсов! Секундное сомнение – рыба не дура, в такой прозрачной воде, да еще без водорослей, она не станет подходить близко к берегу. Хотя тут довольно глубоко. Жаль, что деревьев у берега нет. Рыбы любят тень от дерева. С него вечно валится всякая снесь типа гусениц и дохлых мошек.

Перезакинула поближе к мощному валуну – от него только гладкая макушка из воды виднелась. На таких камнях всегда нарастает зеленый волосатый подводный мох. Рядом с ним наверняка кто-то промышляет насчет покусать.

Рыбалка не только способ добывания еды. Она способствует размышлениям. Я хотела поразмышлять насчет моей сбывшейся мечты о переходе. Уже дошла до мысли «жаль, что это не иной мир», как поплавок бодро запрыгал по воде.

Первая поклёвка принесла мне крошечного рыба, навроде щурка. Но не щурок. Морда довольно странная – даже с выпуклыми ноздрями. И плавники широкие – веером.

По привычке я произнесла приговорку рыбацкую:

– Иди обратно, приведи мать, отца, деда, бабу и тетку с дядей приведи.

Выпустила добычу в воду.

Пиксель рассердился немного – он и мелочи обрадовался. У него уже костер горит. Он и котелок повесил – уху варить желает.

– погоди. Сейчас клев начнется. Им наши чипсы понравились, – никто моего воодушевления не разделял, даже рыбы.

Сижу. Клева нет. Думается плохо. Потому как жду рыбью тетку и прочих взрослых родичей.

Пиксель уселся рядом. Руки на колени положил. Тоже на поплавок воззрился. Это такое странное занятие – можно часами смотреть и не надоест, но лучше бы клевало.

– Вот вам рыбы, угощайтесь! – нетерпеливый Пиксель начал бросать в воду сушеных кальмаров, предварительно сам укусит, а что осталось – в воду.

Поплавок замер как умер.

– Меняю тактику, – предупредил Пиксель.

Покопался в пакете, который ему бабка приготовила. Нашел тонкие поджаристые блины. Намасленные и пористые, как кружевные. Тяжко вздохнул, порвал один блин на мелкие части для прикорма.

– Вот посмотришь, от бабкиных блинов еще никто не отказывался, – убежденности Пикселя можно только позавидовать.

По воде расплылись жирные радужные пятна.

Поплавок повело без всякой предварительной поклевки.

– Подсекай! – Пиксель без размышлений полез в воду, желая первым схватить долгожданную рыбу.

Знать бы как это подсекание провернуть. Слово вроде знакомое, но как на деле такое творят, я не знала. Но была уверена, что правильным будет только один маневр – медленно тянуть добычу на себя. Стараясь не порвать леску.

– У меня сейчас удочка сломается, – сдавленным голосом предупредила я.

Рыба показалась из воды – рожа как у питбуля, только зеленая и подлиннее. Я потихоньку начала подводить улов к берегу. Пиксель изловчился и проворно схватил добычу обеими руками. Рыба билась, норовя опрокинуть Пикселя в воду. Я боялась дергать леску чтоб ненароком не изловить и Пикселя тоже.

– А чего это вы тут делаете? – спросил Тоник, изображая под музыку дикие выкрутасы руками.

Объяснений не дождался. В воду не полез, но наушники снял. Он вообще временами называет себя веганом и против любого убийства.

– Ты что стоишь? Сейчас Пикселя утопят! – закричала я.

– Сам виноват. Рыба жить хочет. Даже такая страшила как эта.

Леска оборвалась с противным воплем, но дело было сделано – рыба билась под Пикселем, потом замерла, обессилев.

– Приплыла золотая рыбка и спросила, чего тебе надобно Пиксель, а ей Пиксель с поклоном отвечает..., – голосом былинного сказителя начал вещать Тоник.

– Глядите – смотрит на меня. Что смотришь? Ты что, щука из сказки? Тогда давай – желание исполняй! – на Пикселя иногда находит.

Словно опомнившись, рыба внезапным сильным рывком скинула Пикселя со своей спины и ушла под воду. Как ожившее бревно.

Я застонала.

– Славно повеселились, – Тоник принес полотенце и отдал его мокрому другу.

– А вы видели – как я его заломал? Почти вытянул. Но он здоровый, гад. И скользкий. Почти без чешуи. Если бы я об камень не треснулся – фиг бы он от меня ушел. Смотрите – синяк здоровенный будет. А ты что сидишь глаза как у лемура? Рыбу лови.

Дурак он, что ли? Какая тут рыба – если он сам ее всю распугал на сто лет вперед. Это как во время охоты, три дня готовиться, затаиться в засаде с подветренной стороны, а как только услышишь треск веток – встать во весь рост и заорать благим матом. Кстати говоря, я так и не смогла понять истинного значения этого словосочетания. Версий много, а что-то не верится мне в них.

– Ну я не могу больше – опять стоит задумавшись. Нет, чтобы рыбу ловить. Ведь сама потом ныть будешь – ах, очередное лето прошло, а я так и не побывала на рыбалке, – укорял Пиксель.

Сначала я решила обидеться, но – во-первых он прав, а во-вторых, половить все равно хочется, прицепила новый крючок, снова закинула невод... тьфу, удочку и сижу, сморю на поплавок. Ребята решили не дожидаться ухи и улеглись рядом – загорают.

Тишина. Покой. Душевное равновесие на грани медитации. Плавно переходящее в мечты. Хочу что-то летательное. Хочу взлететь и посмотреть на все сверху. Или – почему я

не могу ходить по воде? Если отойти подальше – там наверняка много рыбы. Я очень реально вообразила, как я пошлепаю босыми ступнями по поверхности озера...

Всплеск был громким, будто скала в воду упала. Рыбий хвост ударил рядом с поплавком, а через мгновение я увидела знакомую зеленоватую рожу. Так и есть – мой крючок на губе болтается.

Ребята перестали дремать, и теперь мы втроем стояли в воде, уставясь на это диво. Рыбья пасть пошамкала мягкими темными губами. Я решила, что нам сейчас скажут что-то мудрое, но вместо мудрости пасть выплюнула нам под ноги какой-то странный предмет. Он шлепнулся на мелководье и лег на дно.

Дальше было вот что. Два идиота как коршуны кинулись на оторопевшую рыбину и вдвоем моментально вытянули ее подальше на берег. Я даже не видела момента убиения улова – пыталась найти то, что принесла нам рыба.

– Дрянь какая-то. Выбрось каку, – разочарованно посоветовал Пиксель, глядя на то, что лежало на моей ладони.

– Это не дрянь. Это доисторическая кость, – объяснил Тоник.

Они разделали улов. Сами сварили уху. Тройную, потому как весь рыб в котелок не влез. Пиксель как продвинутый кулинар прихватил с собой не только котелок, но и кусок марли. Я бы в жизни не догадалась, что рыбу можно варить таким странным способом. То, что осталось после варки, он сложил в ямку, туда же были свалены потроха и кошмарная рыбья голова. Ее окаменевшие глаза смотрели на нас с укоризной. Жуткий взгляд, доложу я вам. Когда ребята начали присыпать ее песком, голова развалилась на много частей. Ничего, муравьи доедят – вот тут их сколько. Даже странно, что не кусаются и по нам не бродят.

Я свою тарелку съела и добавки попросила. Нежное мясо таяло во рту и вместо сытости будило зверский аппетит. Когда от ухи остались ножки да рожки, мы улеглись пузом кверху и задремали. Во сне мне привиделось, что нас накрыли черным ватным одеялом и мы бьемся под ним, пытаюсь выбраться. Дышать было трудно. И страшно было. Очень.

Наверное, и Пикселю приснилось что-то неприятное, он как проснулся – принялся нас тормошить.

– У меня идея. Внезапное, так сказать, озарение.

Мы с Тоником демонстративно постонали, но принялись слушать.

– Мы построим тут дом. Чтоб у нас появилось тайное совершенно наше убежище. Палатка – тьфу, фигня. Мне нужен комфорт. Минимальный, конечно. И сортир соорудим деревенский.

Невольно хихикнув, я толкнула Тоника локтем в бок.

– Ага, – согласился он, – Мы построим. Ну-ну. Ты хоть молоток-то в руках держать умеешь? Мастеровитый ты наш.

– Я? Это ты меня спрашиваешь? Меня? Самого умелого строителя в мире? Да если хочешь знать, я могу даже пилить. Строгать. Шпионировать. Тьфу. Шпонуровать. Черт, ну что вы ржете? Шпоном покрывать я умею. Вот. Берешь сосну и делаешь из нее бук. Или дуб.

– А вместо шишек на сосне вырастут желуди, давясь от смеха, пробормотал Тоник.

– Можно даже фанеру под дуб забабахать! – упирался Пиксель.

Поразмыслив над перспективой жить в фанерном домике, мы с Тоником рассмеялись еще громче.

– Оба. Дураки. Одна – дура, а второй – еще хуже. Я, правда, могу по чертежам и инструкциям, построить дом. Раз другие могут и я сумею. А вы мне будете помогать.

– Нет, – на полном серьезе запротестовал Тоник. – Нам нужно три домика. Мы будем как три поросенка. Ты – Нах-Нахом будешь. Она – Нюх-нюхой. А я, так и быть... вот чуть что сразу драться!

После непродолжительной потасовки, Пиксель одержал неубедительную победу. Загрустил, и мы снова заснули. Наверное, во сне мы выглядели как те самые поросята. Потому что посапывали, а может даже и похрюкивали. Я не знаю, я тоже спала.

Глава 5. Последствия ухи. Или смерть великого могущественного волшебника

Издали послышались голоса. Я приподнялась на локте и завертела головой – но вокруг одни сосны.

Когда голоса приблизились, стало понятно, что один из них принадлежит взрослому, остальные – детям. По-нашему говорят, значит, и правда Карелия.

– Так вот... на чем я остановился? Ах да, все искали таинственное озеро, чтобы увидеть древнейшего Великого волшебника Гаспара. Но никому не улыбалась удача. Много веков прошло, но однажды юный маг Туно скитался в поисках великого волшебника и набрел на это место.

Вот вы – оболтусы, а ведь Туно был всего на пару лет старше вас! Какая целеустремленность! Какая сила воли! Не то, что современная молодёжь... Оглянитесь – какая красота! Воистину волшебное место.

Непроизвольно я огляделась, но ничего волшебного не обнаружила. А голос продолжал вещать.

– Так вот, юный маг Туно перешел через вон те холмы, миновал дремучий лес, тогда он тут был, и увидел прекрасное озеро. Вы его тоже скоро увидите. И прекратите болтать, когда я разговариваю! Так вот, юный маг Туно проверил уровень магии и понял – близок момент встречи с Великим волшебником Гаспаром. Сейчас же посмотрите на измерители магического уровня. Какие у вас показатели?

– Десять и восемь десятых! – провозил недружный детский хор.

– Хм. Странно! Два дня назад было ровно десять единиц. Очень странно...

– А что было дальше, учитель?

– Наверное, у вас неточные измерители магического уровня... вернемся домой – проверим.

Так вот, три дня юный маг Туно готовился. Очистил мысли. Ничего не ел. И на закате вышел на берег. Встал на камень, и позвал великого Гаспара. И выплыла к нему огромная древняя рыба. О, она была размером не меньше того сома, что вчера выловили наши рыбаки. Мне тоже пообещали кусочек, хе-хе...

Голос прекратил довольное кхеканье и мы услышали продолжение истории взаимоотношений Туно и Гаспара.

– И спросил Гаспар: «Что ты принес мне в дар?» И ответил Туно: «Я принес тебе чистые помыслы. Я принес тебе свои надежды. Я принес тебе свою веру в тебя».

Ну-ка, вот ты, хулиганка, расскажи мне, как нужно изготавливать волшебную палочку?

Мы даже дышать боялись, чтобы не обнаружить свое присутствие.

Послышался звонкий девчачий голос, тарабанивший явно заученный текст.

– Волшебные палочки изготавливают из кости самой древней рыбы, которая была предком великого Гаспара. Гаспар довольно крупный, у него прогонистая форма тела, как у щуки. Обитает в каменистых озерах. Последний раз его видел юный маг Туно почти сто лет назад.

– Верно, пожалуй, поставлю тебе сегодня хорошую отметку...

– А я могу рассказать, как правильно поступить, чтоб добыть волшебную палочку! – закричал возмущенный мальчик.

– Ну, расскажи. Только подожди, я присяду на этот чудесный камень.

– Слушайте, учитель! Обряд такой. Тот, кто собрался изготовить волшебную палочку, должен не есть три дня, в общем, повторить все, что делал Туно. Потом нужно надеть чистую

одежду и идти к озеру. Надо принести Гаспару подношение в виде миски самых лучших сливок и трех больших лепешек.

– Он дурак! Откуда у юного мага Туно могли оказаться свежие сливки?

– Мне бабушка так рассказывала!

– Дура она! Она уже из ума выжила и все путает!

Послышались звуки возни и вскрики. Кто-то боролся за честь бабушки. Вопли сильно смахивали на птичий базар.

– Прекратите, дети!

Звуки оплеух. Чей-то рев. Яростный от невозможности дотянуться до обидчика.

– Ну вот, все успокоились. Продолжим урок. Вы оба не правы. Никто достоверно не знает, чем угощал юный маг Туно великого волшебника Гаспара. За сто лет столько всего напридумывали... Рассказывай дальше.

– Мне по-разному говорили. Подношения нужно бросать в воду. Или, ждать, положив на камне угощения. Вроде как недолго. Как только Гаспар высунет морду из воды – хватай его. Он станет вырываться и ругаться по всякому скверными словами. Но ловец должен крепко держать Гаспара за плавник. Вот так, мне бабушка показывала. Когда Гаспар устанет, то непременно спросит, что надо ловцу. И вот тут нужно не растеряться и требовать кость его предков. Гаспар согласится и уйдет вглубь озера, а вернется с тем, что попросили.

Тоник тихо простонал, но получил подзатыльник от Пикселя и умолк, а я жадно вслушивалась в лекцию про рыбьего волшебника.

– Ладно. Тебя тоже ждет хорошая отметка. А теперь, пусть другой расскажет.

Детские голоса наперебой принялись вопить. Потом учитель прикрикнул и мы услышали серьезный голос типичного ботаника.

– Теперь следует омыть кость в проточной воде, положить на Солнце под радугой. Через три дня и три ночи на палочке сами собой появятся красивые узоры. Теперь положено «приручить» палочку. Ее носят при себе, но никому не показывают. Потом надо идти куда показывает стрелка определителя магии. Там, где самый большой и светлый магический уровень, палочку надо заряжать еще три дня. Она сама накопит нужное количество магии и теперь ею можно пользоваться.

– Ага! Учитель! Поставьте ему самую низкую отметку! Он забыл про имя хозяина!

Ботаник исправлял оплошность, выкрикивая слова с невероятной скоростью.

– Как только палочка станет волшебной, нужно четко назвать ей имя ее хозяина.

– Ох, ни фиги же себе! – тихо простонал Пиксель, – Мы только что сожрали великого мага Гаспара.

– Гаспара, – машинально поправила я, – Надо сваливать по-тихому, не то они нас сейчас обнаружат и переубивают нафиг.

– Не успеем, – мрачно заметил Тоник.

Экскурсия во главе с учителем прошла чуть правее. Нас не заметили – мы как жабы на земле распластались. Как только детские голоса утихли, приподнялись и едва не выдали себя. Я тоже не могла удержаться от смеха, глядя на наши покрытые песком рожи.

– Дети, видите – озеро полно волшебства. И через неделю здесь соберутся самые известные маги, чтобы умолять великого волшебника Гаспара отдать им кость его предков. Вот здесь будет возведен шатер. Все известные правители почтят наш край своим присутствием. И поэтому – прошу вас – ведите себя достойно, чтобы не опозорить своего старого учителя.

– Беда-беда-огорчение, – провыл Пиксель. И где мы теперь возьмем им этого гребаного Гаспара? Высрем что ли?

– Зато у нас есть эта самая прародительская кость. Кстати, а где она?

– Сами же сказали «брось каку», – обиделась я.

– И куда ты ее бросила? – явно нервничая, выводывал Тоник.

– Никуда. Вот она. Я ее в рюкзак положила. Как добычу. Согласись, не каждый день рыба приносит тебе подарки.

– Это хорошо. Это просто замечательно, – у Тоника по лицу можно было прочесть движение гениальной мысли.

Он умный, но слишком разносторонний в своих увлечениях. Многогранный такой. Но временами и умный.

– Я вот что решил. Мы сейчас дождемся пока эта школотка свалит домой. Уберем тут, чтоб было как было...

– Не занудствуй, а? Лучше скажи – план уже есть? – Пиксель смотрел на Тоника с надеждой.

– Есть. Трудно выполнимый. Но мы справимся. А ты, – он посмотрел на меня, – Можешь ликовать. Теперь даже я не сомневаюсь, что у тебя получилось. Это не Карелия. Это другой мир.

– Если только в Карелии не завелась община идиотов, верящих в магию и волшебные палочки.

Экскурсия ушла. Мы тихо и очень аккуратно уничтожили следы своего пребывания. Поглядели на озеро. Наверное, каждый из нас в тот момент хотел попросить прощения, но у кого?

За дверью тишины не было. Сварливая собака продолжала монолог о своей участи, пели птицы, жужжали насекомые, гудел паровоз. И снова меня нервировало ощущение чьего-то внимательного взгляда. Хотя я так никого и не заметила. Зато я только теперь поняла какой у нас разный воздух. За дверью он был вкусным, а здесь – воняющим второсортной цивилизацией.

Когда мы проезжали мимо Вантового моста, Тоник вдруг резко затормозил. Мы тоже рядом встали.

– Народ, а как так получилось, что мы не свихнулись? Ну, сами понимаете – с нами случилось что-то невероятное. И мы преспокойно так крутим педали, планы строим...

– И не вопим на всю вселенную про чудесную дверь? – догадался Пиксель.

– Я не про это. Я про то, что мы не сошли с ума, когда все произошло.

Он пытался донести до нас какую-то важную для него мысль, а мы тупили по черному.

– Тоник. Все просто. Вот посмотри вокруг. Город. Миллионы людей. Разных. И половина из них, не меньше, готова к чему-то этакому, – я не знала, как выразиться точнее, да и в нашем случае нужных слов пока не придумали.

– Точно! Верняк! Нас телек и киношки давно подготовили! – обрадовался Пиксель.

– К чему? К поеданию чужой святыни? – Тоник поджал нижнюю губу, подвигал бровями и поехал дальше.

Глава 6. Гениальный план

Мой дом – подходящая база для военных советов. Родители развелись и заново состряпали семьи, отчего я стала лишней. К тому же бабушка завещала мне свою квартиру, в которой теперь живу. Это печально, но удобно. Особенно сейчас, как и в любой другой день, когда нам нужно что-то обсудить. Иногда посиделки сопровождаются мелким ремонтом того, что я не смогла сама починить, например – вкрутить сгоревшую лампочку. Ребятам нравится мне помогать. А мне нравится принимать их помощь.

В тот день мне доверили роль безмолвного слушателя. Тоник изложил свои соображения. Пиксель быстро просек в чем суть и, устроил очередной спор, заставил нас поверить, что только что сам все придумал. Не в первый раз, между прочим. Он умеет с ходу цапнуть чужую мысль и выдать за свою. Переходный процесс как правило заполняется бурной дискуссией, за время которой автор идеи сам забывает кто был первым. Пиксель такое даже со взрослыми проворачивает. Даже с преподавателями. А родителями и подавно.

– Спер мою идею и не побрезговал. Хороший человек, – устало буркнул Тоник.

– Ну да. Я гений. Можно сказать, облаканный судьбой.

– Дура она какая – ласкать всяких воров! – буркнул Тоник, хотел поспорить еще, но подчинился чужой напористой воле.

Мне вдруг показалось, что Пиксель чаще всего устраивает такие штуки именно в моем присутствии. Вот и сейчас, смотрит вроде бы на Тоника, но успевает бросать в мою сторону короткие пытливые взгляды. Проверая реакцию на его выступление. Наверное, нужно состроить восхищенное лицо? А зачем? Я подумала и показала Пикселю язык. Он сделала вид, что не заметил.

– Хватит с меня этого гнилого базара, – Тоник посмотрел на свои новые и явно дорогие часы, слегка протер полотенцем стекло и решил, – Лучше излагай свой план. Коротко и внятно.

По требованию Пикселя, я принесла тетрадку и ручку. Подумала и пролистала страницы. Мало ли что я могла там начиркать? У меня привычка дурацкая – рисовать, где придется. И еще я иногда стихи пишу. Которые лучше никому не показывать. Однажды я не ту тетрадку в школе сдала. Училка специально перед всем классом ее почитала. Но все совсем неплохо закончилось. Одноклассникам стихи понравились. И мне тогда пару пятерок в журнал поставили.

На кухне было душно. Хотя я на ночь держала окно распахнутым. Одновременно включая фумигатор, чтоб комары не сожрали.

Пиксель важно расхаживал по кухне и диктовал план. Который состоял в основном из слов «добыть». Тоник писать не любил, он к клавише привык, поэтому выводил кривые буквы медленно, наморщив лоб и почему-то приоткрыв рот. Отчего у него тут же пересохла губы. Его сейчас все раздражало, даже то, что от жары его руки прилипали к листу бумаги. Он всем своим видом показывал, что оказывает нам великое одолжение, взяв на себя такое ответственное дело.

Итак, надо было добыть костюм аквалангиста. Со всеми причиндалами. Но без аквалангов. Оказывается, правильному плаванию с аквалангами нужно обучаться не один день. Если Тоник не соврал.

Следующим пунктом стала операция по добыче рыбьей головы. То есть – нужно добыть у деда Тоника морду трофейной щуки. Гаспарова голова не годилась – она же не конструктор, ее теперь не собрать воедино. Блин, она мне наверняка теперь сниться будет в кошмарах.

Я думаю, добровольно дед щучью башку не отдаст. Хотя он мировой мужик, дед этот. Просто потрясающий старик. Он бы с моими папой вмиг подружился, честное слово. Они бы за руку поздоровались, а потом поговорили бы немного и в шахматы сыграли. А если бы еще выпили – спели бы обязательно. Таких, как дед и мой папа мало совсем, я не вру, с чего бы мне обманывать? Они – настоящие, не знаю как еще лучше объяснить.

Еще надо было добыть бинокль. Но с этим никаких сложностей. Он где-то валялся дома у Пикселя. Нужно просто полазить по шкафам и найти.

На этом первая часть плана оказалась исчерпанной. Для спасения чужого мира большего нам не требовалась. Кроме чудовищного везения. У меня с этим делом не очень. Я точно знаю. Мне кажется, из нас троих самый везучий – Пиксель. Но только не в личной жизни, а в остальном ему здорово везет, правда, он как родился – ему уже порцию удачи выделили. Семья дружная и все друг друга любят. Только он с ними ругается часто. И всегда из-за ерунды. Такой он зануда.

Подумав, я решила, что Тоник тоже довольно удачливый. Хотя в его биографии есть какая-то мутная история, но она же давно была. У Тоника есть дед, и мать, которая обожает своего великовозрастного сыночка. Вот Пикселю плевать какие у него носки. Мне – тоже. А Тоник может разораться на мать, если ему не те шмотки с вечера приготовила. А мать у него ничего, только курица. Она вокруг него носится, даже дед злится, ей богу, так и есть.

– Слушай сюда – они будут вызывать Гаспара здесь, – Пиксель нарисовал длинную амёбу, обозначающую озеро и поставил крестик, – А мы будем тут. Я возьму бинокль.

Пиксель приложил два кулака к глазам. Он окончательно вошел в роль руководителя. Мы были не против. Потому как весь предыдущий опыт показывает, что у него иногда получается организовать все как надо. Ну, в тех случаях, когда они не забывает про детали.

– Ты, наш мускулистый друг, будешь ждать моего сигнала. Зайдешь в воду, – Пиксель встал на цыпочки, скрюченные руки прижал к груди и поскакал по кухне.

Он на крысу был поход, а потом вдруг изобразил плаванье в стиле брасс.

Мы замерли в восхищении. Особенно после того, как он сбил заварной чайник, успел его подхватить и поставил на место.

– И вот ты плывешь, плывешь, у берега ручки складываешь вот так, вдоль туговища, как Ихтиандр, подплывешь поближе и высунешь пасть.

– Хорошо – не жопу, – мрачно заметил Тоник.

– Тебе что-то не нравится? Ну и придумывай сам, как отдать несчастному народу эту кость. Мало того, что мы Гаспаром пообедали, так еще и оставили людей без надежды на волшебную палочку...

Меня начала тревожить нереальность происходящего. Какая нафиг волшебная палочка? О чем мы говорим? Но ребята продолжали серьезно протряхивать детали плана.

– Ну и как ты это представляешь себе? Вот ты – колдун, стоишь такой умный, призываешь Гаспара, подношениями размахиваешь, а тут из воды сушеная морда щуки, – расстроился Тоник.

– И что? Замечательно! Они же этого Гаспара ни разу в реале не видели. Они вообще не знают толком, как это происходит.

– Но точно не так, как ты задумал. Ты бы сунул руку в зубы щуки? Ты их видел? А я видел – их много, кривые такие, острые. Вот меня хоть умоляй – я не за какие коврижки руку в этот капкан не суну! – злился Тоник.

Тут он прав – зубы у щуки опаснее некуда. Даже если случайно зацепит – жуть! Не акулы, конечно, но тоже пила еще та.

– Так это ты! А я ради волшебной палочки куда хошь руку суну.

Меня разобрал смех. Я смеялась до икоты, до слез и соплей. Смеялась, пока Пиксель не полил меня водой. Пришлось идти умываться в ванную. Полотенце было красным. Я смотрела на него и дохихикивала – мне цвет показался смешным.

– И что мы ржем? – недовольный Пиксель стоял у двери в ванную, держа стакан воды наготове.

– Ты готов все-все сделать ради волшебной палочки, а сам придумываешь, как ее вернуть, – сообщила я, старательно вглядываясь в его лицо – интересно, как он вывернется?

Он если и смутился – всего на пару секунд. А потом просиял и приобнял меня за плечи, подталкивая обратно на кухню.

– Естественно! Иначе и быть не может! Мы же не воры какие-то. Мы там в гостях были и нагадили.

– И солонку сперли – не побрезговали, – туманно согласился Тоник.

Пока нас не было, он обнаружил в холодильнике курагу, вымыл и поглощал ее, предвительно рассматривая. Наверное, микробов опознавал.

Ну и фиг с ними. Пусть играют в спасителей чужого человечества. А если попадутся – я всегда успею свинтить домой. Почему я была в этом так уверена – сама не знаю.

Я еще немного подумала и решила, что если нашего фальшивого Гаспара обнаружат, поймают и разоблачат – хуже не будет. Эти волшебники-конкурсанты вполне могут решить, что великий маг Гаспар решил ради смеха перевоплотиться в такого симпатичного поганца как Тоник. Об этом я тут же сообщила своим друзьям.

– Ну вот – видишь, как все удачно складывается. Со сроками у нас все о кей. Значит, завтра начнем готовиться к операции.

Тоник дожеввал курагу, негигиенично облизал пальцы, попил воды прямо из графина и высказался.

– Эй, погодите! Вам все понятно, а плыть придется мне. Я желаю знать, что меня ожидает.

– Повторяю для слабоумных. Первое – высмотришь самого адекватного колдуна. Подплывёшь к нему и отдашь эту гребанную кость.

– Гениально! А как я ее отдам? Ты же сам слышал инструкцию. Этот гад сиганет мне на спину и будет ломать мой хребет! Дурак я какой – сам плыви!

– Нет, ну ты нереальный трус. Сам подумай, как они поступят, если великий Гаспар сразу отдаст прародительскую кость? Вот! И я про то! Они обрадуются до усеру и скажут – наш колдун круче вареного яйца. Этот юный маг Туно ему в подметки не годится. Нашему – сразу отдали!

В его словах присутствовала логика. Во всяком случае, такое вполне могло прокатить. Приплывает какая-то фигня, высовывает однозначно рыбью голову, а в ней долгожданная кость. Мне Гаспар ее точно так и отдал. Он же был рыба – рук нет, все свое ношу во рту.

– Самое хорошее в этой затее то, что аборигены ни фиги не знают. Это же почти легенда, – успокоила я, – Они даже не подозревают, как именно этот Гаспар выглядит.

– Вот! Запомнила мои слова – умная девочка. Сразу просекла в чем суть, – Пиксель уже устал руководить и готов был хвалить кого угодно.

Кроме того, у него были какие-то личные дела, про которые он не любил распространяться. Не из желания выглядеть таинственным, а из принципа.

– А как ты мне щучью голову на башку прикрутишь? – обессилив от споров, спросил Тоник.

– Ну, уж это не проблема. Проще простого. У аквалангистов на голове шапка такая черная, вот мы на нее скотчем и присобачим твою щуку.

– Ее деду потом нужно будет вернуть. Не то он мне реально голову отвернет и вместо щучьей на стенку повесит.

Мы сразу закивали головами – деда Тоника уважали все. Его было за что уважать. Тоник явно не в него умом пошел, зато внешность у них похожая. Благородная такая.

Пиксель ушел первым. Тоник сполоснулся в душе, напился чая с лимоном, поворчал немного насчет самоуверенности Пикселя, но от меня поддержки не получил. Не потому что я была с ним не согласна, просто у меня были срочные дела, про которые я не хотела говорить. Тем более что наши уединение не напоминало романтическое и целовать меня никто не собирался.

Немного обиженный, Тоник уехал к деду. Как только я осталась одна, то сразу принялась за послание спонсору. Тут дело такое – все-все написать никак нельзя. В отчете пришлось упустить пару-тройку неприятных деталей. Ведь ему не обязательно знать, каких чудес мы натворили в чужом мире? По-честному, я ему даже не говорила, что хожу не одна, а друзьями. Он меня об этом не просил, но и не запрещал. Зато он теперь знает не только о существовании двери, через которую можно пробраться в новый мир, но и о самом мире. Сосновом, озерном и вовсе не безлюдном.

Заказчик ответил моментально, потребовав и на этот раз сделать третью попытку. Для каких целей – он не объяснил. Но деньги были уплачены и отказываться было некрасиво.

Ребята готовились к акции по передаче кости Гаспаровых предков, а я не стала им объяснять, про обязательства перед заказчиком, которого я ни разу в жизни не видела.

Если бы меня спросили – какого черта я туда поперлась в одиночку – внятного ответа у меня не было. Надо и все. Зачем? Ну, пофоткать для отчета. Выяснить – возможен ли переход в одиночку. Посмотреть повнимательнее – вдруг, что новое увижу. И при этом никому не попасться на глаза. И еще – меня не отпускала стойкая уверенность, что ехать надо. До этого момента я замечала за собой проблески интуиции. Но на предвидение она мало походила. А тут – словно вирус какой, типа чихания, не поехать не могу, хоть и боюсь. И вообще, когда что-то делаешь в компании, половина смысла ускользает. Только в одиночестве можно на все сто процентов ощутить как оно на самом деле – взять и пройти в другой мир.

Несмотря на придуманные аргументы, мне казалось, что я еду одна к двери только потому, что какой-то хворый на всю голову черт, нашептал мне этот совет.

Непрямая трава. Облезлая краска на досках двери. Тукало, приятное с виду. Лай собаки. И постоянное ощущение недоброго взгляда.

Поначалу страшновато было, неудобно. Это все с непривычки передвигаться без Пикселя и Тоника. Я за ними как за каменной стеной. Точнее – как за забором. Местами дырявом и разрушенном, но все же накрепко закрывающим меня от невзгод.

Постояв несколько секунд перед дверью, я скукожилась от ощущения злого взгляда, струсила и решила сделать вид, что я просто так тут катаюсь. Проехала мимо, сделала крюк по ухабистым дорожкам заброшенного гаражного хозяйства, скатившись с горки, пролетела по высохшей колее вдоль гаражей и заметила слева огороды и дверь. Не свернула, покаталась по окрестностям, чуть не задохнулась у заброшенных водоочистных сооружений. Интересно, какая у этой жижи глубина? Бросила камень, он не сразу пошел ко дну. Пузыри лопались, воняя как сто сгнивших покойников. На маленьком островке сидела довольно опрятная чайка, вроде как на гнезде, а остальные ринулись меня атаковать, я еле успела прыгнуть на велик и удрать.

Птичья погоня привела меня в более решительный настрой. Теперь можно было приступить к выполнению задуманного.

Один удар тукалом. Дверь со вздохом отворилась, словно поджидала гостей. Приподнимаем велик, протаскиваем его через порог, почти вывернув кисти рук. Еще один шаг – и я в сосновом лесу.

Приступ осторожности заставил меня закрыть дверь изнутри на задвижку. Почему я боялась? Кого? Вразумительного ответа не было.

Стояла рядом с дверью и прислушивалась, как настороженная кошка. Если бы мои уши могли поворачиваться – зрелище было бы еще то. Поняв, что нет никаких лишних звуков, я тихонько выдохнула. Но как беспокойно на душе.

Очень аккуратно положила велик на песок. Села рядом, думала, чтобы еще нафотографировать. И тут мне стало плохо. По-настоящему. Голова закружилась и потемнело в глазах. Как будто воздух стал тем самым черным ватным одеялом, что мне приснился, и упал на меня. Все это помутнение длилось недолго, но сил отняло много. Я даже решила, что у меня от волнения обморок случился. А когда глаза стали видеть как раньше, я выпила воды, отдышалась и поняла, что силы понемногу возвращаются.

Пора было вставать и решать, что делать дальше. Возникла идея поискать следы детской экскурсии.

Вдруг в дверь ударили тукалом. Сердце подпрыгнуло и остановилось.

В дверь снова стукнули. Гораздо осторожнее. Словно кто-то придерживал тукало дрожащей рукой.

Быть может это ребята? Подошла к двери. В которую теперь били неистово, как в бубен. Дождалась промежутка тишины, заглянула в щель, что внизу у дверной рамы. Трава. Сквозь которую видны чьи-то ноги. Незнакомые. Волосатые. Нереальный хоббит. Или взрослый дядя в шортах. На ноги вдруг начала напоздать тень. Вот черт, он сейчас тоже попытается подсмотреть. Одним прыжком отпрыгнула вправо. Обползла дверь, очутившись на другой ее стороне.

Удары последовали один за другим, как азбука Морзе.

Блин, не иначе, это заказчик переходов. Прочитал отчеты и ломится в чужой мир. Вот дурак какой! Назначил бы встречу. Я бы его перевела. Наверное. Скорее всего.

Теперь по двери лупили ногой. Трясли ее, дергали. Несколько сильных, но негромких ударов сменились сдавленным воплем и звуком «иий». Палец он сломал, что ли? Ага – теперь он просто врезал по двери кулаком, но довольно близко к земле. Так и есть, покалечил ногу и теперь сидит, злится.

Если обладать пространственным воображением, мы в разных измерениях занимали почти одно и то же пространство. Оба на земле и оба около тукала. Класс! Но мне от этой мысли вдруг стало неприятно, словно кто-то дышал моим воздухом, и я шустро отползла в сторону. Психика у меня такая дурная – если перед запертой дверью – то это не наш мир, а все что за ней, хоть и выглядит как обычный сосновый лес – он как бы на нашей территории. Глупо это.

– Твою мать, – отчетливо произнес явно взрослый мужской голос.

Расстроенный. Огорченный. Несчастный.

Мне не захотелось встретиться с тем, кто сначала буйствовал, а теперь жалобно ругался с нашей стороны. Пусть думает, что переход для него невозможен. Вот когда мы отдадим Гаспарову кость – пусть хоть уходится. Но не сейчас. Вот он какой буйный. Разве можно приходить в гости в таком настроении?

– Открой! – совсем тихо, приложив губы к двери пробасил мужчина.

Если бы он позвал Сашку, наверное, я бы отперла. В глубине души я подозревала в заказчике отца моего одноклассника. И даже пыталась приветливо посмотреть ему в лицо, когда сталкивалась с ним на улице. Но он упорно хмурился и тихо меня ненавидел.

На сосну попыталась присесть ворона. Соскользнула и возмущенно каркнув, улетела прочь.

По всей видимости, точнее – слышимости, тот, кто ломился в этот мир, ничего себе не сломал. Избиваемая дверь заново застонала от ударов. Вскоре я уже зажала уши руками, мучаясь от головной боли. Чтоб окончательно не сбрендить, пришлось осторожно отползти

от источника оглушительных звуков. И вот что странно – наступила нормальная лесная тишина.

Решив выполнить свой план невзирая ни на что, я пошла искать ту тропу, по которой ходили дети с наставником. Сфоткала. Получилась откровенная ерунда. Вот если бы они мусора накидали, было бы интереснее. Но вокруг тропинки ни фантика, вообще ничего. Никогда бы не подумала, что расстроюсь из-за такой аккуратности. Мусор – штука информативная.

Раза три подходила окольными путями к двери. Пыталась понять – есть ли кто за ней. Вроде как тихо там было, но я все равно опасалась выбираться в наш мир. Вспомнила, что один мой знакомый называет деление на наш и чужой – отторжением. Но мой случай был другим. Этот, сосновый мир, был ничуть не хуже. Вполне себе такой комфортный и с виду неопасный.

Когда голод прибавил мне решимости выбраться обратно, то к великому облегчению за дверью незнакомца не оказалось. Но на этот раз я точно видела за забором какую-то мордату огородницу с тяпкой в руках. Причем тяпка выглядела не менее внимательной чем ее хозяйка. Завидя меня, обе спрятались за забором.

Отчет о последнем дне перехода был составлен, отослан и я решила, что теперь пусть будет как будет. Захочет заказчик пообщаться – я не откажусь. А если нет – то сама напрашиваться не стану. Теперь мы квиты. Я свою часть задания выполнила. А он путь сам решает, что делать.

Глава 7. Пришествие Великого Гаспара

К великому дню мы успели подготовиться как надо. Тоник уже неплохо дышал в воде через трубку. В ванной тренировался. Щучью сушеную голову мы решили до времени не мочить – мало ли что. Зато научились ее приматывать на макушку Тоника. Классный вид у него был, скажу я вам! А еще у него лицо в маске выглядело как аквариум, в котором вместо рыбы маячат глаза. И костюм для подводного плавания меня тоже сильно потряс. Странный на ощупь. И какой-то безразмерный. Костюм в стиле поносил сам, дай поносить другому. Тоник классно в нем смотрелся, особенно когда шлепал ластами по моей квартире. Ну вылитая жаба. Только тощая очень.

– Хорошо, что ласты синие достались, – мнение Пикселя Тоник не разделял категорически.

– Если бы они еще нужного размера были.

Мы дружно уставились на скрюченные пальцы на его ногах. Они даже синие стали, прям под цвет ластов.

– Ты их того, растирай, – сочувственно посоветовал Пиксель.

– Только не сломай, – мне и правда казалось, что без травм распрямить эти закорючки не получится.

Излагая медицинские подробности вреда от неправильного кровообращения, Тоник упомянул про неминуемую гангрену. Про некроз тканей слушать было неприятно, особенно когда он дошел до трупного запаха и цвета гниения. Ну да, я мнительная. И меня много что нервирует в сфере медицины. Особенно картинки язв и прочего дерьма. А у Тоника редкий талант красочно описывать всякие болячки.

– Придется потерпеть. После заплыва мы долго отлеживаться будем. Так что успеешь оклематься.

Тоник сердито посмотрел на Пикселя и на полном серьезе заявил, что мы обязаны сделать ему массаж ног.

– Что? Прямо сейчас? Ты всего пять минут в ластах походил! – разорвался Пиксель.

Денег на новые ласты у нас не было. Так что Тонику и вправду придется потерпеть, а уж ноги он и сам себе растереть сможет. Если бы были деньги мы бы и на руки ему ласты купили, я их в магазине видела – как перчатки для жабы.

– Вы думаете, я придуриваюсь? Мне и правда больно! Если полчаса в них пробуду – ноги сгниют и буду пахнуть соответственно.

– У меня размер ноги еще больше. Так что по-любому плыть придется тебе, – оправдывался Пиксель, впечатленный обещанием трупного аромата.

– А может, мы в них прорези сделаем? Я такое видел, – понимая безнадежность своего предложения, воззвал Тоник.

– Давай. Режь. И меня заодно можешь ножиком по горлу. Я слово давал, что с костюмом и ластами ничего не случится. Ты помнишь, у кого я их выпросил? Он с меня еще денег взял за аренду этого барахла. А ты – резать!

Голос Пикселя звучал более чем убедительно и Тонику ничего не оставалось делать, как покориться тесной судьбе. Тем более что буквально через полчаса нам предстояло выдвигаться из дома.

Ребята убедили предков, что едем в вело-поход. Мне никого предупреждать было не нужно, но я перед акцией набралась смелости и открыла страничку Вконтакте и проверила, нет ли писем и комментариев. Один был. Под фото двери какой-то дебил приглашал меня посмотреть порнушку.

Мой заказчик безмолвствовал. Чему я обрадовалась. Хотя я была перед ним ни в чем не виновата, но все равно чувство вины меня не оставляло.

И вот мы в нужном месте. То есть по ту сторону двери. Задвижка закрыта, несмотря на удивление ребят. Я им сказала, что так надежнее, чем заслужила пару понимающих кивков головы за предусмотрительность. Пиксель тут же решил, что для еще большей конспирации, нам следует замести следы. Пока Тоник спрятал велики, он отломал ветку сосновую и вручил мне как самому ненужному члену экспедиции.

– Это явный перебор, – подметая песок, ругалась я.

С полкилометра мела, даже плечи заболели и спина тоже.

Как и задумал Пиксель, мы заранее затаились в удобном, неприметном месте. Там, где нас никто из конкурсантов не заметит невооруженным глазом.

Сидим за огромным красноватым камнем, размером с гараж. Ноги босые, песок прохладный и влажный. Отпечатки получаются смешные – особенно от пальцев. Я прикладываю свою ступню в след ноги Пикселя.

– У тебя пальцы как горох, – хихикнул он.

Волнуемся. Подсматриваем, как шатер строят. Над озером разносится стук молотков. Народ все прибывает и прибывает. Костры горят, в воде красиво отражаются длинными сверкающими лентами. В небе – половина луны. Если смотреть в бинокль – мало от нашей отличается. Или вообще не отличается. Поспорив насчет физиономии луны, мы пришли к выводу о собственной необразованности. Кто ее знает, как она должна выглядеть? Тоник, надув щеки, утверждал, что это наша луна, показывал на какие-то кратеры. Но мы ему не очень поверили.

Спасть пришлось по очереди – вдруг этим колдунам приспичит ночью Гаспара призывать. Так дотянули до восхода солнца.

Еще целые сутки наблюдали по очереди в бинокль, как идет подготовка к великому дню. Однажды я даже видела наших знакомых – старого учителя со стайкой детей. Хотя наставник и хорохорился – перед волшебниками и чужаками кланялся слишком низко. Зря он так – дети все видят и запоминают. Потеряет, дурак, уважение, потом кричи-не кричи – толку ноль.

– Смотрите, там что-то странное происходит, – предупредил Пиксель.

По его словам, все, кто были на том берегу вдруг дружно прилегли отдохнуть. Одновременно, причем по словам Пикселя, наш старик, который учитель, уложил детей и только потом распластался на земле.

– Ничего не понимаю, даже строители лежат, – последние слова Пиксель договаривал сдавленным тошнотворным голосом.

Потому что нас накрыло. Дурнота навалилась постепенно, но так быстро, что Тоник попросту повалился лицом в воду, мне тоже было хуже некуда. Точно так как в том сне, когда меня черное одеяло придавало. Я оказалась самой подготовленной и лежа ползла, вытаскивая Тоника на берег.

Пикселю было хуже всего, он дольше всех стоял. Теперь он хрипел, будто его душили.

– Ты жив? – мой вопрос так и не прозвучал.

Голоса не было, но силы оставались и я трясла Тоника, опасаясь, что он успел вдохнуть воды в легкие.

Наконец он выдохнул и закашлялся. Теперь можно было валяться и ни о чем не беспокоиться.

– Так это уже не в первый раз? Это уже было? И ты нас не предупредила! – Пиксель разорялся как бешенный.

Пришлось втолковать ему, что именно так не было. И в прошлые разы я либо спала, либо сидела. Впрочем, я сидела и на этот раз. А судя по всему, нужно было лежать.

– Чертова магия! Надо будет измеритель магического поля спереть, наверняка по нему все узнают, что такая фигня будет происходить, – уже более спокойно решил Пиксель.

– Горло дерет, – перестав кашлять, пожаловался Тоник.

– Нет чтобы спасибо сказать, – мне и правда было обидно, что он даже не понял кто его спас от утопления.

Тоник с Пикселем почти не ссорились, в основном валяясь на песке. Когда не ели и не подглядывали за шатром на том берегу. Оба загорелые и довольно симпатичные. Местами даже мускулистые. Сама иногда не пойму, какого лешего мне Тоник больше нравится?

– Ты почему на него так внимательно смотришь? – излишне беззаботно спросил меня Пиксель.

Нужно было срочно что-то придумать. Иначе я начну краснеть, почувствую это и покраснею еще заметнее.

– У него глаза как у несчастного щенка.

– А у меня они какие? – с легкой ревностью поинтересовался Пиксель.

– Как у обезьянки, – сдуру выпалила я, – ну знаешь, маленькие такие, с ними еще все фоткаются у Спаса на Крови.

Тоник смешливо фыркнул.

– То есть я похож на старую облезлую мартышку? – медленно, явно обидевшись, решил Пиксель.

– Ты же про глаза спрашивал, – я все-таки начала краснеть, – Ну ты помнишь какие у них глаза?

– Мелкие и слезящиеся? Нет? Злобные? Тоже нет? Ну и какие они? Я их сто раз видел. Совершенно бессмысленный взгляд. А когда с ними фоткаются, они кусаются. И за это их лупят по плешивому черепу. А еще они зубы скалят. Вот так.

Он так убедительно вытаращил зубы, что мы слегка испугались.

– Ну тебя! Они умные. Они все-все понимают. Только изменить ничего не могут. И взгляд у них очень мудрый. Проницательный такой, – я уже успела забыть с чего начался этот разговор и всюю описывала обезьянок.

Я бы и про штанишки рассказала, и про тельняшки, в которые наряжают несчастных зверьков, стараясь сделать их внешность заманчиво-привлекательной. Последняя из увиденных мной мартышек была в розовой балетной пачке, отчего смахивала на Волочкову в старости.

– Но я их немного боюсь. Мне кажется, они только и мечтают, как бы нам всем отомстить за свое рабство.

Брови моих друзей синхронно поползли вверх.

Ощущая себя полной дурой, я сделала вид, что мне в глаз песок попал. Полезла в рюкзак за зеркальцем, обнаружила, что его нет, а в результате так натерла себе веко, что слезы потекли градом.

– Ну что ты так из-за макак убиваешься, – шутил Пиксель, отпихивая мои руки от лица, – Дай погляжу, что там у тебя завалилось. Вот блин, глаза красные какие. Прекрати вырываться. Раскрой глаза и смотри вверх. Теперь влево. Вправо. Вниз. Классно ты ими ворочаешь.

– Хватит издеваться!

Похоже, про мои словесные излияния насчет Тоника все уже забыли. Но я все равно была страшно зла. Мне все время кажется, что я выдам себя. И все сразу поймут, как мне нравится Тоник.

– Бинокль хочешь? За аборигенами понаблюдать, – миролюбиво предложил Пиксель.

Незамедлительно согласившись, я продолжила свое изучение незнакомого народа. Про который Пиксель сказал:

– Те же яйца тока в профиль.

Скорее всего, его слова можно перевести так – чужаки мало отличаются от нас самих. Разве что одеждой. Я подолгу рассматривала, что нынче у них в моде. Прикольно одеваются. От яркого и нелепого до черного и простого. Яркое выглядело многослойным. Черное – лоскутами, словно они одежду специально резали на лохмотья. И эти лохмотья впечатляюще развевались на ветру. Того, кто в черном, он один такой был, все немного стороной обходили, особенно дети. Подозрительно это. Но что мне до их дел – я тут временно, как зритель. Вот отдадим кость и больше сюда ни ногой.

Подумала.

Передумала. Наверняка мне захочется выяснить, как они живут. Вдруг, лучше нашего? Вдруг, повезет поселиться тут навсегда? Дурацкие мечты – на кой я им сдалась? Но было бы заманчиво пожить тут пару месяцев и набраться чужой мудрости.

– Шатер на цирковой балаган смахивает, а вот клоунов не видеть, – Тоник до сих пор кашлял.

– Похоже, все случится завтра поутру, – решил Пиксель и оказался прав.

На рассвете зазвучала музыка. Пронзительный вой раненого слона – это так Тоник сказал.

– Ты что зубами стучишь? – Пиксель мог бы найти другие слова, чтобы подбодрить друга.

Я выбралась из спальника. Из тепла в прохладу. Солнце еще не успело нагреть воздух, а от песка веяло легкой сыростью.

– Зябнет он. И я тоже, – отпила холодно вчерашнего кофе из термоса.

Жаль, костер не разжечь по конспиративным соображениям. Я уже по горячей еде соскучилась, а на свежем чистом воздухе почему-то всегда тянет пожрать. На завтрак мне достались бутерброды с копченым языком и маринованным огурчиком. Не иначе как родичи Пикселя расстарались.

– Посмотри, как здорово смотрится наш Гаспар, – похвастался Пиксель.

Я чуть огурцом не подавилась. Тоник мычал, выражая свое неодобрение. Маска у него запотела и он ни фи́га не видел, отчего шатался как пьяный. И еще, когда он зашел поглубже в воду, у него ласты все время скользили по камням. Поэтому Пиксель его под локоть поддерживал.

– Плыви, мой друг, плыви! – не знаю, слышал ли его напутствие Тоник, но помахал рукой и сумел погрузиться в воду.

Жутко он выглядел с этой шукой на голове. Кошмарнее не бывает. Как оживший кошмар тиранозавра.

– Кость не потеряй! – напомнил Пиксель.

Мы остались вдвоем. Теперь успех нашего мероприятия зависел только от Тоника. Мы могли только наблюдать и волноваться.

На глади озера передвижение Тоника было почти незаметно. Но иногда он излишне дрыгал ногами и тогда мы видели нервную синюю ласту. Трубка для дыхания не выглядела чем-то посторонним, хотя иногда предательски посверкивала на солнце.

Первое, в чем мы круто лопухнулись, было заметно сразу. Пиксель даже застонал, поняв, что колдуны не собираются становиться в очередь, призывая Гаспара. Пока мы провожали Тоника, все претенденты на гаспарову косточку успели выстроились в шеренгу.

Там камней много – вот и стоят они на них вдоль берега как чайки. Биноклем завладел Пиксель. Шансов отобрать его у меня не было. Без бинокля было фигово видно. А жаль – мне хотелось узнать, как выглядят настоящие маги. И какое у них будет выражение лица при виде нашего славного Гаспара.

Вторая непредвиденность – позади магов толпилась охрана с какими-то странными штуками в руках. По всей видимости – оружием. Ну не с лютьями же в самом деле. Они не то соревнующихся охраняли от зрителей, не то опасались нарушения условий выдачи косточки, а может, не доверяли колдунам.

– Главное, чтобы он не растерялся и сделал все по-быстрому, – бормотал Пиксель.

В это время рев раненого слона умолк, а маги принялись подвывать на разные голоса, кидая в воду прикорм. Некоторые постоянно поглядывали на какие-то украшения, висевшие у них на груди.

– Блинааа, про измерители магического уровня мы забыли.

– Не мы – а ты! – всерьез разозлилась я.

Вечно он сваливает всю вину на кого-то другого.

– Ничего. Мы этим Гаспаром так наелись, что фоним теперь будьте нате.

– Учитель, который с детьми тогда гулял, тоже заметил, что показатель уровня упал, – напомнила я.

– Еще бы! Мы теперь – не меньше одной трети от десяти единиц выдаем.

– Ты больше всех съел, – как и ожидалось, моя реплика Пикселя вывела из себя.

Он психанул, а я успела отобрать у него бинокль.

– Теперь моя очередь!

– Тогда рассказывай – я вдаль вижу плохо, – признался Пиксель.

Среди магов были и чуть старше нас. И совсем старые. Всякие были. Один был в черном. Тощий и опасный. Даже не хочу знать, что он кидал в воду.

Потом я с трудом разглядела дыхательную трубку нашего Гаспара. Тоник плыл медленно и осторожно.

– Через пару минут будет отдавать кость, – сообщила я Пикселю.

На некоторое время мы замерли, затаив дыхание. Ничего экстраординарного не происходило. Потом Тоник приблизился к магам на расстояние, близкое к необходимому, для передачи артефакта. Они заметили бултыханье его ласт и загомонили быстрее и громче. Охранники занервничали, вытянули шеи. Прочие зрители, там и женщины были, и дети, стояли не шевелясь. Всем хотелось увидеть Великого волшебника Гаспара с прогонистым телом и прочей лабудой.

По какой-то только ему известной причине, Тоник не спешил отдавать древнюю кость чужих предков. Он повернул и медленно поплыл мимо шеренги магов.

– Выбирает самого хорошего, – догадалась я.

– Какого он выбирает? – возмутился Пиксель.

– Ну, их много и они разные. Вот он и решил отдать приз самому...

– Красивому, что ли? Как понять кто из них хороший?

– Умный, да? Вот и плыл бы сам, а теперь Тоник имеет право на выбор!

Тоник имел все права. И самым главным правом он посчитал осчастливить из всех магов наименее сильного. Физически. Он правильно рассудил – если маг начнет хватать его за несуществующий плавник или еще за какую запчасть – может получиться не смешно.

Ему приглянулся взволнованный парень в зеленой шляпе. Шляпа была откровенно дурацкая, но именно этот маг производил впечатление доброго и немного наивного. Почти как сам Тоник, даже румянец на щеках одинаковый, только пониже ростом.

Теперь оставалось резко подплыть к объекту и высунуть щучью башку.

Тоник удачно запихал кость предков в пасть. Он все правильно сделал. Кость мало отличалась от палки, только слегка изогнутая. Теперь она торчала из горла щуки как длинный язык.

– Сейчас! Он решился. Я вижу, как он подгребает к мальчишке. Тому, что с правого краю. Рядом с черным колдуном, – сообщила я голосом спортивного диктора.

– Это у которого плащ длинный и постоянно шевелится?

Пиксель был прав. Ветер шевелил складки черного плаща. Хотя у всех других волшебников одежда оставалась неподвижной.

Тоник выплыл равномерно – из воды эффектно возникла голова сушеного родича Гаспара.

Толпа громко охнула. Даже стражники отшатнулись. Уж не знаю, что они мечтали увидеть, но наша щука явно превзошла их самые смелые ожидания.

Маги засуетились на своих камнях. Понятное дело – видят – удача сегодня не на их стороне. Один даже закрыл лицо руками. Не то от горя, не то от перенесенного ужаса.

Юный маг наклонился и доверчиво протянул руку, словно забыв, что положено скакать верхом на Гаспаре, пока тот не устанет. Скорее всего, он сразу увидел драгоценную кость гаспаровых предков.

– Отдал? – Пиксель толкнул меня пальцем в бок, надеясь, что я дам сдачи и выроню бинокль.

– Нет.

Кость была совсем рядом с рукой волшебника, как вдруг черный колдун пошатнулся и специально столкнул мальчишку в воду. Зеленая шляпа плюхнулась на голову Тоника.

– Это нечестно! – закричала я.

– Молчи, дура! Нас заметят!

Кричала не только я. Кричали многие.

Кость предков выскользнула из пасти щуки, Тоник через маску видел, как она опускается ко дну. Успел подхватить ее. Но в этот момент черный колдун решил действовать по правилам старинной легенды и, раскинув руки, как черный ворон кинулся на беззащитного Тоника.

Премазал.

Но забился в воде – явно плавать не умеет. Или плащ мешает.

Падая, он вмазал Тонику по шляпе. С противным звуком щучья голова отвалилась.

Тоник решил, что хуже быть уже не может, но успел схватить голову Гаспара. Теперь нужно было пользоваться всеобщим замешательством и действовать наверняка. Он засунул руку с зажатой древней костью прямо в голову щуки. Так иногда в кукольных спектаклях делают. И таким манером протянул из воды и голову и кость одновременно. Все заорали и явно не от радости. Но юный волшебник не растерялся и выхватил кость из пасти, даже не ободрав кожу. Правда, во время выдергивания иссохшие рыбы зубы частично остались на будущей волшебной палочке.

До черного колдуна наконец доперло, что он может встать ногами на дно. Стоял, мокрый и злой, смотрел подозрительно на удаляющегося Тоника. Я бы тоже удивилась – на рыбу он точно не похож. Даже в шляпе.

– Все? – тихо спросил Пиксель.

Но это было не все. Тоник напоследок повернул морду щуки в сторону черного колдуна. Послышался безумный крик. Это рука Тоника, высунулась из глотки щуки и показала колдуну самую обычную фигу.

Толпа безмолвно смотрела, как от берега медленно удаляется зеленая шляпа, а за ней мелькают синие ласты.

– Он нас выдаст, идиот проклятый, – бесился Пиксель.

Тоник отплыл подальше, нырнул и теперь шляпа медленно качалась на едва заметных волнах.

– Это пришествие Гаспара они надолго запомнят. Я этому гаду фигу показал! – гордо сообщил он, поглядывая на наши растерянные рожи.

– Так и есть. А фигу-то зачем?

– Что знал наших! – сказал Тоник.

Я с ним абсолютно согласна – наших знать надо. Чтоб держаться от них подальше.

Глава 8. Зеленая шляпа

Мы сообща с немалыми усилиями высвободили Тоника от плавательной амуниции. Начали с ласт. Потом принялись за костюм для плавания. Это как кожу снимать. Тоник икал и качался от усталости. Два раза даже упал. Особенно, когда Пиксель начал высвобождать его руки.

– Отличная маскировка, – приговаривал он, сияя, – Небось ссыкотно было?

Я его сразу же треснула по спине за такое слово.

– Ну и рожа у тебя, Шарапов! – веселился предовольный Пиксель.

На лице Тоника остался заметный след от маски, делая его лицо комичным. Я решила, что теперь самое время предложить ему воды, но он отказался.

– Ты, брат, герой! – приговаривал Пиксель, излишне сильно стуча кулаком по плечу друга.

Первым делом уставший Тоник, кинулся спасать пальцы ног, скрюченные ластами. На ласты он даже порывал как собака, потом лег на берег так, чтоб ноги оказались в воде. Я специально посмотрела, нет ли обещанной гангрены. Вроде как обошлось без нее. Пальцы не зеленые, но и розовыми их тоже не назовешь. Синие, под цвет ласт. Только темнее. Пиксель постоял рядом, волновался, даже пообещал ампутацию сделать, если что.

– Отчекрыжу в момент. Даже не почувствуешь!

Через некоторое время Тоник приподнялся, посмотрел на нас и снова рухнул.

– Лучше пока его ни о чем не спрашивать.

– Ага, – согласилась я и тут же спросила: Тоник, может, ты чего-нибудь хочешь?

– Я мороженого хочу. Брикеты-пломбиры. Три штуки. В два я бы ноги сунул, а третий съел. Но у тебя все равно их нет.

Лучше бы я не спрашивала.

– Друг, как только мы вернемся – я лично тебе за мороженым сбегаяю. Клянусь! – Пиксель вытаращил глаза.

– Представляю, сколько всего тебе пришлось перенести, – сочувственно сказала я, втайне надеясь на развернутый ответ.

– Нет! Ни фига вы не представляете. Если бы вы знали, как мне хотелось там, – Тоник махнул рукой, – Встать из воды и сказать им всю правду. Это же дичь какая-то – устроить такое дебильное представление пред ни в чем не повинными людьми. Кому расскажи – не поверят.

Тут он прав. Никто не поверит.

– Зато мы сохранили смерть Гаспара втайне и вернули народу его сокровище, – с излишним пафосом возвестил Пиксель, после чего его пробрал истерический смех.

Он даже хотел попинать щучью голову, но Тоник сгреб ее обеими руками и прижал к груди, баюкая нежно, как младенца. Мне кажется, он уже забыл про боль в ногах. Хихикал, пока снова икать не начал. Все-таки прошлось дать ему попить. Но даже после этого, он икал не переставая.

– Тоник, послушайся хоть раз и икота вмиг отвяжется, – напомнила я про свой фирменный рецепт.

– Ни-ик-за-ик-что!

– Ну и дурак. Ну, попробуй разочек, ради эксперимента, а?

Вместо ответа, Тоник набрал воздуха и попытался его задержать подольше.

– Что сложно, один раз сказать «хрю-хрю»? Только надо печально и тихо сказать. И икота сразу закончится.

Меня не удивило, что и на этот раз моим волшебным способом не воспользовались. Я его случайно изобрела, стояла на Невском у Пассажа и злобно икала, стесняясь – ведь рядом стоял Тоник, а потом вспомнила мамину приговорку «тебя вспоминает свинья за углом» ну и пошутила, сказав волшебное слово. С тех пор всем про этот случай рассказывала, но мало кто решился повторить мой лечебный опыт.

Наглотавшись воды, Тоник унял икоту и повеселел. Я попыталась проверить, что у него с волосами, но он только отмахнулся. После щучьей головы, прическа Тоника напоминала разрушенное воронье гнездо. Местами склеенное, местами клочковатое. Побрить около ушей – будет ирокез, как у панка. А на лице – красный след от маски. Как нарисованный.

– Все. Не трогайте меня полчаса. Я отдохнуть буду, – сообщил он и действительно задремал.

Мы с Пикселем по очереди продолжали подсматривать за праздником на том берегу. Дело кончилось тем, что я прислонилась к спине Пикселя, а он прилип к биноклю и под тихий храп друга, тихонько рассказывал мне все, что видит.

– Празднуют. Народ ликует. Но многих душит жаба. Хотя нет – вот к нашему парню подошли два мага, жмут руки, вроде рожи искренние. Хвалят, наверное. Типа – ну ты, брат, крут! А девчонки тут симпатичные. Вон та блондиночка очень даже ничего. Ты обратила внимание – ни у одной девушки нет короткой стрижки. Одобряю. Опаньки! А черный-то на нашего мага косится волком. Руки на груди сложил и косяка давит. Сразу видно – завидует, скотина.

– Он хуже, – внезапно заявил Тоник, – Я успел его рассмотреть. Гад редкостный. Вы видели какую подлянку он устроил? Нажулить всех хотел, гнида. Был бы на моем месте настоящий Гаспар – отобрал бы кость, как пить дать.

– Это вряд ли. Гаспар – волшебник. Он бы его испепелил одним взглядом, – голосом знатока возразил Пиксель.

– Ну, нам-то он ничего не сделал?

– Просто офигел он от нас. Растерялся. У них тут сплошные церемонии. Бла-бла-бла. Подношения, ритуалы. Да и для колдовства время нужно, а мы его в секунду того..., – Пикселью расхотелось уточнять, что они сделали с Гаспаром, и он умолк.

– А мне показалось, что он именно нам захотел эту кость отдать, – вспомнила я.

– Может, он самоубийца? Или пришло время для реинкарнации? – усмехнулся Пиксель.

– Или ему не по душе местные волшебники, – задумчиво предположила я.

Ребята посмотрели на меня внимательно, как на говорящую черепаху, но я сама бы не смогла объяснить им, почему я только что сказала именно эти слова.

– А что – дельная мысль. Гаспара задрало тыщу лет жить в теле рыбы. Вот, сами подумайте – с какого перепуга они назвали рыбу Великим магом Гаспаром? У других рыбов имен нет. То-то же! Как пить дать, он уже когда-то был человеком! И снова решил им стать. И я его не осуждаю за такое желание. Кому охота попасть в суп? – спросил Пиксель.

– Да задрал ты уже этими намеками на уху! – Тоник разозлился всерьез.

Я решила, что пора переменить пластинку. И спросила про реинкарнацию. Тоник любит такие темы. Он в них разбирается.

– Цитата. Бог безупречен: человек сам выбирает свою судьбу, совершая хорошие или плохие поступки.

– Платон? – предположила я, зная любовь Тоника к этому философу.

– Он самый. Но дело не в нем. Дело в самом принципе реинкарнации. Если ты живешь как животное, то в последующем получишь тело животного.

– Ну, ты загнул. Получается, что Гаспар был того – плохим человеком?

– Вовсе необязательно, – на меня снова помимо моего желания накатили странные мысли. – Наверное, ему нравилось медитировать, а в теле рыбы, на большой глубине, можно поразмышлять вдоволь. Наверное, он был не любитель суеты. Ему там спокойно было, вдали от людей с их вечными «дай», «надо», «помоги». Ну и о вечном подумать самое то. А потом он очнулся и увидел, что происходит в его мире. И решил это что-то исправить.

– Ты случайно не перегрелась? – потрогав мой лоб, спросил Пиксель.

– Нет. Просто я уверена, что так оно и было.

Тоник разочарованно вздохнул – ему не дали высказать все теории на интересную тему.

– Что-то я раньше не замечал за тобой приступов озарений, – вспомнил Пиксель.

– Я тоже. И не факт что это озарения. Но мне кажется, что со мной что-то странное происходит. Но я бы на нашем месте мечтала только об одном – чтоб все хорошо закончилось.

– Ну и мечтай себе дальше, а я пойду, посмотрю, как они нам ликуют, – буркнул Пиксель, нацелил бинокль и продолжил, – Вот блин, пока мы болтали, они успели и выпить и пожарить. Банкет закончен.

На берегу толклись гомонящие люди. Работники убирали шатер. Как после рок-концерта. Послевкусие события. Им будет, что вспоминать ближайшие сто лет. Если не дольше.

– До утра погодим, а когда они свалят – и мы домой отчалим, – решил Пиксель.

– Надо будет пошариться там. Вдруг что полезное-необычное подберем, – в Тонике проснулся научный мародер.

– Сомневаюсь. Они помешаны на чистоте, – печально напомнил Пиксель.

– Может, это их культовое место, вот и убирают? – мне как-то не верилось, что нормальный человек может так бережно относиться в природе.

Мы по-новой начали задавать Тонику вопросы. Дорасспрашивали до такой степени, что он начал зевать и взвыл.

– Я перенервничал. Я спать хочу. Я имею право на пару полноценных часов отдыха.

Он не уснул. Он вырубился. Пиксель посмотрел на блаженное лицо спящего друга, взял бинокль и ушел снова подглядывать за иноземцами. По его мнению, праздник не удался. Не было многодневного выпивания в честь великого мага, который в ближайшем будущем станет обладателем волшебной палочки.

– Не по-людски это. Поликовали и расходиться начали. Никакого уважения к победителю. Я даже ни одного пьяного не видел.

Подумав, я тоже завалилась на спальник подремать. Слишком много всего произошло – мозг устал. Как только мне приснилось, что я стою перед доской в классе, а на меня рычит наша физичка, раздался возмущенный вопль Пикселя.

– Ты смотри что деется! Нет, я не могу на это смотреть!

Вопреки ожиданиям, бинокль был нацелен вовсе не на берег с шатром, а намного левее.

– Ты что там, в воде рассматриваешь? – удивилась я.

– Деда нашего. Вот идиотина!

На секунду мне почудилось, что он про деда Тоника говорит, но потом все снова вспомнилось и я заволновалась.

Идиотина уже довольно далеко отплыл от берега и странным манером продвигался все дальше.

– Утопнет! Глаза вытаращил! Задыхается совсем.

Подобрав отброшенный Пикселем бинокль, я нацелилась на глаза старого учителя. Капец старикашке. Если он не полный дебил, то пора ему либо повернуть обратно к берегу, либо просто полежать на воде – отдохнуть немного. Хотя оба совета бессмысленны. Похоже, дед совсем выбился из сил и собрался очучуриваться.

– Он за шляпой гребет, – догадался Пиксель и полез в воду.

– Стой! Тебя заметят! Маску и ласты надень! – призывала я.

Обогнув громадный камень, за которым мы укрывались, Пиксель уставился на едва заметную голову старика. Шляпу он не видел. Зато я ее видела. И всеми силами хотела чтоб шляпа была поближе к глупому деду. Надо же – захотел себе трофеей добыть. Перед детьми повыпендриваться. Типа – я почти волшебник, раз на мне шляпа победителя состязания великих магов. Фетишист хренов.

Я испугалась, что дед сейчас потонет у меня на глазах. Я понимала, что он знал, на какой риск идет ради зеленой шляпы. Я видела, как до него доходит – все, это конец. Безнадежность. Сейчас силы его оставят и он пойдет ко дну. Глупый старый амбициозный дурак. Нелюбовь ко всем учителям на свете моментально улетучилась. Автоматически я посмотрела на мутнеющий в сумерках берег. Публики оставалось совсем мало, детей не видно. Хотя нет – вон они сгрудились у деревьев. Наверное, в ожидании своего наставника. У которого шансов выжить ноль целых ноль десятых.

Пиксель наверное тоже о чем-то таком думал.

При мне до этого ничего не умирал. Кошмарное чувство полного бессилия путало мысли. Ум жульничал и изворачивался, не желая нести ответственность.

Это же не наш мир. Тут волшебства как у нас машин на дорогах. Вон волшебники по берегу шастают. Не видят, что у них под боком творится. Вот если бы хоть один из них случайно обернулся, посмотрел на озеро... черт, ни фиги бы он не увидел, даже шляпу. А если бы увидел? Что я знаю о магии? Туманные советы от Гарри Поттера и прочие фантазии из киношек.

– Че делать-то? – шепот Пикселя напоминал реквием по старику.

И тут во мне проснулось что-то непонятное. Словно снова озарение накатило. Ну да, мы в мире, живущем по другим принципам. Раньше мы действовали как дома, полагались на свои силы и слегка жульничали. А почему бы не рискнуть и не воспользоваться возможностями этого мира? Во мне бурлил деятельный энтузиазм.

Маг он как должен рассуждать? Вот объект, пока живой еще, вот берег. Берег не приблизить никак. Если гора не спешит к Магомету, пусть поторопится сам Магомет, кем бы они ни был. То есть – объект не помер, надо срочно предать ему ускорение в нужном направлении. Желательно, дыхальцем вверх. Блин. Этот объект тут не просто так. Он о шляпе неистово мечтает и просто так от нее не откажется, даже если смерть пришла.

В мозгу произошел бунт и он разделился на противоборствующие лагеря – один из которых заткнулся, а второй проснулся, понял, что настала его пора.

У меня возникло странное ощущение, что нет ничего сложного, раз старику нужна шляпа – нужно только немного передвинуть ее. Главное, сконцентрироваться. Почувствовать ее. Не видеть ничего кроме шляпы. Какая она на ощупь? Мокрая, шершавая, шерстяного сукна, плотная, но почему-то не потопляемая. Я так погрузилась в мысли о шляпе, что словно ее в руках держала. И решила, что это не шляпа, а сухой лист на воде. Стоит только дунуть и она легко поплывет по воде. Туда, куда я захочу.

Шляпа сдвинулась с места. Вот она набрала приличную скорость и даже изобразила две волны, как за катером.

В этот момент старик закатил глаза, прощаясь с небом.

Шляпа закрыла старику лицо и замерла.

Так, половина дела сделана.

Я посмотрела на свои руки, правая держала бинокль, а левая сама собой двигалась, вырисовывая странные траектории. Пиксель тоже уставился на мои руки. Как на ядовитых змей. Потом глянул на мой лоб и не раздумывая утер его ладонью.

– Ну и что толку? Теперь дед потонет со шляпой на голове. Но ты старалась. Руки вот так и так, как в индийских танцах.

Почему мне стало неловко, словно меня заподозрили в чем-то крайне неприличном.

– Я тут не причем! – мое возмущение было почти искренним.

– Ну да, так я и поверил. Ты того, давай, буксируй деда к берегу. Только осторожнее, а то большой разгон иногда приводит к опасному торможению и сопровождается хрустом черепушки. Об камни.

Я успела понять наверняка только одно – нужно не отводить взгляда от передвигаемого объекта, верить в исполнение задуманного, максимально использовать воображение, а остальное как-то само собой случается.

Моя правая рука выронила бинокль и начала выписывать фортели. Левая ей помогала. Зрение обострилось, я увидела как старческие руки пошарили по шляпе и передвинули ее себе на грудь. Открыв морщинистое лицо старика, который всего за пару минут дошел до состояния бесповоротно обреченного. Он даже шевелиться уже не мог. Только хватал разъяренным ртом воздух. Некрасиво это выглядело – зубов у него что ли нет?

Потом я вдруг вообразила, что это и не старик вовсе, а бумажный кораблик, как те, что мы в детстве пускали по весенним ручьям. Снова подула в его сторону, рука вперед вытянулась, словно я деда поддерживаю под спину и толкаю потихоньку к берегу.

Плывет! Намокшая борода по лицу размазалась. Глаза испуганные, недоверчивые. Я бы на его месте тоже испугалась – вперед ногами плыть не очень удобно, они в разные стороны разъезжаются. Но дед проворно вцепился в шляпу и алчно удерживал ее на груди. Горящий взгляд фанатика, уверовавшего в свою судьбу.

На нем рубаха белая была. Задралась она некрасиво. Ну я и начала разворачивать старика, чтоб плыл торжественно и культурно. Как аллигатор нацеленный на добычу.

– Осторожно, там камни, – напомнил Пиксель, нервно переминаясь с ноги на ногу.

Ну да, я – молодец. Старик остался целый, невредимый и при шляпе. Он как на колени на берегу встал, воду из нее вылил, отжал и тут же на голову нацепил. А только потом краем глаза проверил – видел ли кто его чудесное спасение.

Видели. На берегу за дедом следили. Не менее внимательно, чем мы. Тот самый черный колдун. Он некоторое время наблюдал, как дед торжественно встает во весь рост на подгибающихся ногах, как кланяется озеру, делая вид, что зрителей не замечает, а потом вдруг повернулся и уставился прямо мне в глаза. Я вскрикнула и на землю рухнула.

– Ты что? – испугался Пиксель и хотел высунуться, чтоб посмотреть, что меня напугало.

– Он меня видел. Или почуял, – объяснила я.

– Кто? Дед?

– Нет. Колдун черный.

– Фигово. Но, наверное, тебе показалось. Он что – орел? Ему вдаль нипочем тебя не заметить.

Может так, а может и я права. У меня самой только что зрение было лучше бинокля. Но как бы ни было, выглядывать мне не больно хотелось. Противно бояться взгляда. А я испугалась тогда. Очень.

Дети окружили учителя и под руки повели его от озера, наверняка в поселке из всех давно заждались. Черный колдун неторопливо встал на камень и смотрел в нашу сторону – я как только высунулась – сразу напоролась на его насмешливый прищур. Спряталась, задышавшись от ужаса.

– Меняем дислокацию, – поняв мое состояние, Пиксель торопливо собрал вещи, разбудил Тоника и мы постарались как можно тщательнее уничтожить следы нашего пребывания. Получилось так себе. Любой сразу заметит – натоптано и не зверями.

Перебрались подальше. Все равно до утра нам к двери не пройти.

– Ну у тебя и силища, – восторгался Пиксель. – Прикинь, вес старикашки, сопротивление воды, а она гонит его как пробку по течению.

Хорошо, что я в тот момент ни про какие сопротивления не думала. У меня с физикой совсем плохо, не понимаю я ее. Напрочь.

Тоник немного скис, поняв, что теперь лавры героя достались мне. И зловредно ехидничал над моим недоумением – как это, смогла спасти, а объяснить ничего толком не может.

Глава 9. Новые способности и подлое убийство

Камни, за которыми мы разбили новый лагерь, были раз в пять выше прежних. Округлые, серые и теплые, один – с кривой трещиной, из которой пробилось тонкое деревце, похожее на березу.

– Теперь можно ходить спокойно. Нас тут никто не обнаружит, – решил Пиксель.

– А вот из-за такой беспечности и убивали беззаботных партизан, – Тоник хотел чтобы мы дежурили по очереди, но сам спрятаться в засаде не пожелал.

Побурчав друг на друга, ребята уgomонились, сменив тему разговора. Они старались мне не мешать.

– Она в себя ушла. Пусть там и побудет. Ей полезно. Столько переживаний за один день. У нее психика сломаться может, – объяснил Тоник громким, почти зловещим шепотом.

Я все слышала, но возражать не было никакого желания. Во мне зрела неуверенность переросшая в ужас. Учителя спасла не я, а тот черный колдун. Ну конечно же! Это он все делал, а из скромности и из каких-то иных соображений не стал выставляться. А я, дура, ручонками махала и глаза таращила. Поэтому он так насмешливо и улыбался. Но ребятам я про это не скажу.

Оставалась только одна попытка проверить права я или нет. Хлипкая, но другой я не придумала.

Моментального успеха в новом деле добиться практически невозможно. Особенно если вам предстоит совершить что-то принципиально новаторское. Например, передвинуть спичку на полсантиметра. Взглядом. Инструкций по освоению телекинеза тьма. Одна глупее другой. Но в некоторых из них замаскирован настоящий совет. Станный, но правильный. Он про ваш ум, то есть – никакой продвинутый ум не поможет вам передвигать предметы нестандартным способом. Мозг тут лишний. Он только мешает. Это как с первым знакомством с горшком. Родители не могут понадеяться на природные навыки своего ребенка. И с изобретательностью и коварством приучают его задницу делать то, до чего не додумается голова. Тут ведь как – либо подчиняйся, либо всю жизнь ходи в обосранных подгузниках.

И еще я для себя поняла важную штуку – если у тебя получилось, пусть даже случайно сделать что-то экстраординарное, ты обречен на успех. Даже если не ты, а кто-то другой, в твоём присутствии сотворит что-то этакое, навроде перышка, ползающего без видимых причин, то и у тебя процесс пойдет гораздо быстрее.

– Ничего у меня не получится, – намекнула моя неуверенность, а совесть добавила – Зависть тебе гложет. Старика спас черный колдун, а не ты.

Мне не раз снился сон. Падает что-то, например, мобилка, а я протягиваю руку и телефон начинает шевелиться на полу, а потом запрыгивает мне на ладонь. Сон был настолько реальный, что я иногда пробовала повторить его в реальности. Мобилку не кидала, но расческу или коробок притянуть пробовала. И даже злилась, когда они тупо продолжали валяться на полу.

– Я очень хотела, чтобы он получил свою дурацкую шляпу и не умер, – слова вырвались сами собой и ребята тут же решили, что теперь со мной можно разговаривать.

Тоник с Пикселем были в неописуемом восторге. Они бы еще больше восторгались, если бы и у них тоже что-то начало передвигаться, но они даже сообща спичку сдвинуть не смогли. Про свои подозрения, насчет дядьки в черном плаще, я говорить им не стала.

– И еще она меня обвиняла, что это я обожрался Гаспаром, – укорил меня Пиксель.

– Наверное, она съела самую волшебную часть. Ты что ела? Вспоминай! – настаивал Тоник.

Дураки какие – да не помню я. Мясо оно и есть мясо, хоть и рыбное.

– Ты особо не обольщайся. Твои способности только тут действуют. Дома будешь как раньше, – Тоник специально так сказал, чтоб меня расстроить.

– А может, теперь у нее и здесь ни чего не получится. Ты давай, передвинь еще что-нибудь, а? – алчно настаивал Пиксель.

Они меня так разозлили, что я не раздумывая решила попробовать. Перед глазами был песок, на котором валялся клоч сухих водорослей. Плевое дело – вот он уже катится вдоль камней. Следом был отправлен короткий стебель камыша.

– Офигеть!

– Я тоже так думаю. Но харе баловаться – пора и домой, – вздорно напомнил Тоник.

Пока они решали, пора или не пора отправляться к двери, комок сухих водорослей так и сновал туда-сюда, подчиняясь моей воле. Достаточно было просто смотреть на него и двигать взглядом. Руками я теперь не размахивала, решив, что и так сойдет, раз получается. Потом настал черед половинки озерной ракушки. С рюкзаком сначала получилось не очень удачно – из него вещи вывалились, но я не отчаивалась – с пятой попытки он полз он будте-нате. А вот устроить гонки наперегонки хоть тресни не вышло. Похоже, я могу концентрироваться только на одном объекте. Пока. Потренируюсь – толпами все сдвигать начну.

– Теперь ее надо в говноящик пристроить. Народ офигеет. Наша, отечественная Ури Геллерша. Слабо ложку согнуть?

Если бы Тоник про ложку не спросил, я бы не догадалась, кем меня только что обозвали. Я этого фокусника в лицо запомнила, а имя – нет.

– Не знаю. Давай, попробую.

Ложка подло не поддавалась. Я забыла все правила и начала думать. Вспомнила обрывки фильма про Геллера. Как он ложку держит, как поглаживает ее пальцем, даже выражение его лица смогла вспомнить, а ложке плевать. Она такая железная была, что тверже некуда.

– Да забудь ты про нее. Неужели тебе хочется в телек попасть? – вкрадчиво поинтересовался Пиксель, зная мою нелюбовь к телевизору.

Брошенная ложка валялась на песке как дохлая рыба. А потом начала медленно, почти незаметно гнуться. Мы вдвоем на нее смотрели и было совершенно неясно, кто виноват.

– Дед меня убьет, – Тоник спохватился и попробовал разогнуть испорченный предмет.

Но теперь ложка расхотела становиться нормальной и упорствовала, сломаться – да пожалуйста, а гнуться – из принципа не стану.

– Дай я попробую, – предложила я.

Дурак Тоник. Разве можно в поход брать такую дорогую ложку? Красивую и очень похожую на серебряную. Небось, антикварная. Он прав, дед теперь его точно поколотит. У меня похожая есть, от бабушки досталась.

Вместо того, чтобы распрямиться, ложка вдруг перекрутилась и стала похожа на штопор.

Я так взбесилась, словно она мне назло это вытворила.

– Надо нашу девочку остановить, а не то она свихнется, – Тоник кивнул в мою сторону.

После транспортных упражнений у меня заболела голова, а борьба со строптивой ложкой привела к резкому приступу тошноты.

– Это все от растраты сил, – многозначительно сообщил Тоник. – В кино всегда так, если ты колдуешь, то тратишь кучу сил, а потом лежишь как труп и восстанавливаешься.

– А я думаю, это у нее от голода. Она же не ела совсем.

– Ну конечно, для нее телекинез главное, – тут же укорил Тоник.

Они обсуждали меня как глухую напрочь морскую свинку.

– Она сейчас в обморок упадет, смотри какая зеленая стала, – в голосе Тоника прозвучал откровенный испуг.

Пиксель не стал спорить. Он просто налил мне остывшего сладкого чая и дал бутерброд. Я на еду сначала даже смотреть не могла, так меня мучило. Но откусила кусок, прожевала, а глоток чая привел меня в чувство. Вот дура-то – магия это, конечно, здорово, но без еды тоже никак.

– Странно – совместных приступов дурноты у нас больше не было, – вдруг вспомнил Тоник.

– Не накаркай! Нам еще только не хватало рухнуть прямо сейчас, когда пора к дому двигаться.

Когда солнце изобразило ночник за горизонтом, мы собрались в путь. Тоник печально положил порченную ложку в карман, не решаясь ее выбросить. Мне его немного жалко было. Неприятно, когда тебя ругают за испорченные вещи. Особенно если ты виноват перед взрослым, который тебе дорог. А я ни секунды не сомневалась, что для Тоника дед – главный человек в жизни.

– Ты не дрейфь, у меня дома где-то в ящике стола точно такая же валяется. Я ее тебе отдам, – предложила я.

– Правда? Похожая, или точно такая?

– Мне кажется, что они одинаковые.

– Хорошо. Поменяемся. Нет. Эту я тоже заберу как сувенир, – согласился Тоник.

Пиксель тихонько усмехнулся, забрасывая рюкзак на спину.

В принципе нам недалеко было идти, с километр, или два, не дальше. Но я все-равно нервничала. Из-за Тоника, он стал какой-то неправильный. Чем темнее небо, тем страннее Тоник. Нюхает воздух, головой вертит, глаза прищуривает. На себя непохожий. Он стал как охотничий пес при исполнении служебных обязанностей, только на двух ногах. И я даже начала подозревать совсем нехорошее. А вдруг он теперь вампиром стал? Если тут есть маги, то хоть один заваливающий вампир вполне может образоваться. Спросила у Тоника – мол, признавайся, не тянет ли тебя крови попить? Он в ответ тут же прочитал мне лекцию про обращение в вампира. Пока он выдавал мне очевидные истины про укусы и покойников, я начала к Пикселю присматриваться. Но он как был предводителем, так им и остался – идет первым, путь указывает.

На макушке холма, Тоник вдруг замер. Встал как вкопанный, приложил палец к губам, а потом жестом приказал нам не двигаться.

Мы послушались и замерли, даже Пиксель спорить не стал.

И правда – веточка хрустнула.

Мы привычно шмякнулись на песок. Солнце еще не успело полностью закатиться, но него в облака уже поднималась луна, неяркая и угрюмая.

Кто-то шел прямо на нас. Спокойным медленным шагом. Песок похрустывал у него под ногами. Редкое бряканье доказывало, что в поклаже имеются металлические предметы. Шаги становились все ближе и ближе.

Вот засада, куда теперь бежать?

Луне надоело прятаться за облаками и она осветила все вокруг так ярко, что нас точно можно заметить. Небо выглядело странно – половина багровая от заката, другая – белая от луны.

– Стой! – мужской голос был однозначно зловещим.

Окрик не имел к нам никакого отношения. Наперерез невидимому для нас спутнику, прямо из-за пушистых сосен, что росли перед нами, возникла высокая фигура в черном плаще. Спинной к нам. Несмотря на очевидное затишье, живописно разодранный плащ развивался как при сильном ветре. Эффектно, играя складками, но не хлопая по ногам.

– Ты ко мне обращаешься? – удивление того, кого хотел остановить черный, было спокойным без фальши.

– К тебе. И ты знаешь, зачем я тебя искал.

Пиксель на локтях отполз к стволу ближнего дерева. Мы последовали его примеру, стараясь не шуметь. До чего у молодой сосны снизу стволик тощий, толком не спрятаешься.

– Я не знаю. Может, сам мне скажешь – для чего ты стоишь на моем пути?

Мне показалось, что теперь его голос звучал неискренне. Но без испуга.

– Тебе нравится изображать недоумка? Или ты и в самом деле такой? Хорошо. Слушай. Я требую тебе отдать мне ее. Ты знаешь, что она досталась тебе не по праву, – черный плащ теперь метался, как во время шторма.

– Не по праву? Ты шутишь? Она моя. Все видели, как я ее получил. Меня признали лучшим и достойным.

– Кто лучший? Ты – лучший? Я сильнее. Я обладаю многими знаниями. Мне нет равных! А ты – ученик старого безмозглого дурака. Который сегодня опозорился, добывая твою шляпу.

– Не смей оскорблять моего учителя! – ну вот, спокойствия как не бывало.

Все как всегда. Сейчас слово за слово. Драться начнут. Хотя нет, они же маги. Будут искрить молниями, превращаться фиг знает во что. Только этого нам еще не хватало! Это не наш мир. Нам бы уйти.

– Она не сделает тебя властелином мира! Ты же глуп. Ты не сможешь ей правильно распорядиться, – взвыл черный.

– Я смотрю, ты так был уверен в победе, что сделал себе поддельную волшебную палочку, – от насмешки черный колдун заскрипел зубами и взмахом направил что-то типа указки на соседнюю сосну – та взорвалась, превратившись в дым.

– Вот она – сила! Тебе жизни не хватит, чтобы такому научиться!

Судя по всему, в его руках что угодно могло стать оружием. Но бывший владелец зеленой шляпы не думал сдаваться. И я поверила, что он умеет что-то гораздо волшебнее штучек черного колдуна.

– Прекратим разговор. Я уйду. А ты останешься. И в следующий раз она достанется кому-то другому, – предложил он.

– Что? Ты предлагаешь мне ждать удачи сто лет? – хохот был не менее зловещий, чем все сказанное ранее черным колдуном.

Я бы не удивилась, если бы его психованный плащ не превратился в крылья, как у летучей мыши и он бы взмыл в небо, чтоб атаковать врага сверху. Успев мельком рассмотреть второго собеседника я не удивилась простоте его одежды. Он выглядел как какой-то Лель из Снегурочки. Рядом с таким невольно ожидаешь увидеть пару овечек, а в руках жалею или букет васильков.

Пиксель не успел вскочить, как раздался противный писк, от которого заныли даже глаза. Потом – вспышка и ненормальная тишина. Мне даже показалось, что перепонки барабанные лопнули. Провела рукой по уху, но крови не было. С глазами тоже творилось что-то непонятное, то темно, то все мутное как студень. Что же там, в эпицентре происходит, если даже нам так плохо?

Когда я смогла нормально слышать и видеть, Пиксель уже сидел на плечах черного колдуна и молотил его по башке синими лапами. Толку мало, но выглядело офигенно страшно. Колдун зашатался и упал на четвереньки, заодно уронив Пикселя. Тоник подскочил и как даст злодею ногой по жопе. А колдун стряхнул Пикселя и ударил Тоника в живот какой-то фигой типа указки.

Визг был зверский.

– А что мужик так орет? – растерялся Пиксель.

Тоник пожал плечами. Он говорить не мог – за живот держался. Колдун выбросил руку с указкой и ткнул Тоника в коленку. И снова завизжал. Явно от боли. Тонику если и было больно, то совсем чуть-чуть.

Пикселю эти упражнения моментально надоели и он со всей силы вмазал колдуну в челюсть. Отобрал указку и разломал ее пополам. Прозвучал хлопок и облачко кислого свещающегося зеленого дыма взметнулось в небо. Посмотрев на обломки, Пиксель отбросил их в разные стороны. Подобрал ласты, хотел было добавить колдуну по ушам, но передумал.

В небе над нами дым образовал облачко, которое медленно поднималось в небо. Ярче света луны, похожее на баранку.

Зная правило номер один – не лезть в драку, я решила что теперь и мне можно подойти поближе. Молодого мага, которому досталась волшебная кость Гаспаровых предков, не было совсем. Немного горелого песка, местами спекшегося в черное стекло, и запах такой мерзкий. Я наклонилась – буквально в шаге валялась увесистая сумка и рядом с ней – простая холщевая котомка. И почему я не удивилась, вытащив из нее проклятую кость? Заодно проверила и сумку. Там оказался старый закопченный котелок и еще какая-то хозяйственная утварь, пригодная для путешествий.

Мальчишки поняли, что спасать больше некого, слегка озверели и снова навалились на черного колдуна. Он отбивался поначалу, а потом стих.

– Давай добьем его. Из сострадания, – Пиксель на какой-то немыслимой скорости лупил колдуна то кедами, то ластами.

Он так быстро двигался, что даже в глазах зарябило. Я такое только однажды видела – когда ехала в машине мимо леса при низком солнце – тени от стволов так мелькали, мешая смотреть.

– Сваливаем. Тут скоро народу будет дофигище, – настаивал Тоник, подбирая наши вещи.

Я забрала свой рюкзак и тут же его уронила. Руки не слушались, да и котомка с костью мешала. Мне не было понятно, что с ней делать. Решила убрать в карман рюкзака, пока запихивала, чуть все барахло свое не потеряла. Тоник по быстрому помог мне уложиться и даже не ворчал.

– Козел ты. Гнида казематная. Чтоб тебе голову отрубили, гаду. Надеюсь, у вас законы есть? – Пиксель напоследок заехал носком кеда в челюсть колдуна, усилием воли прекратил избиение и мы, побежали к заветной двери.

Солнце успело сесть и теперь только луна освещала нам дорогу.

– Я найду вас! Я знаю, кто вы! Я вам отомщу! – он кричал нам вслед, но не поднимался.

Голос был как у мальчишки – жалобный и отчаянный. А вроде взрослый дядя – лет тридцать, не меньше. Я притормозила, оглянулась – моя кружка, синяя с желтым львом Банифацием, валялась на песке. Колдун схватил ее и оскалился. Белые зубы, клыки как у волка, и кровь между белыми зубами, блин, не дай бог присниться. А лица я рассмотреть как следует не успела – у него на голове капюшон был, да и темно уже было, но мне показалось, что с ним что-то не так.

Сверкнули глаза. Он поднял капюшон и на меня уставился. С откровенной ненавистью, как на главное зло в его жизни. У меня ноги отнялись от ужаса.

– Ты что? Не отставай! – Пиксель схватил меня за руку и поволок за собой.

– Он мою кружку подобрал.

– Плевать. Пусть подавится, урод.

Песок высыпался из волос, попадая в глаза. В кедах его тоже хватало. Он даже во рту был и скрипел, попадая на эмаль зубов. И еще меня сосны избили своим иголками – не пушистые они ни разу, когда по лицу попадают.

Велики никто не спер. Тоник быстро вытащил их и подтолкнул меня к двери. Дрожащими руками я открыла задвижку.

– Ты чем его так приложил? – спросил Пиксель у Тоника, когда мы в наш мир выходили.

– Фиг его знает. Он в меня этой хренью тычет, мне больно, а ему в сто раз больнее. Жуть.

Жуть. Я не спорю. Жуть – это когда ты зашел в Зимний дворец и нечаянно спалил его. А потом еще сплясал на пожарище. Это я про наши переходы. Гаспара сожрали. Мага не спасли. Кость снова у меня. И куда ее теперь?

В нашем мире еще было светло. Из огородов за нами если и подглядывали, то украдкой.

– Я того, я ее взяла, что делать-то с костью этой? – тихо спросила я.

– Надо подумать. Но не сейчас. Сейчас я спать хочу. Жрать я тоже хочу. А еще я хочу показаться предкам, чтоб не волновались.

Тоник прав. С ним даже Пиксель согласился. По-честному, и меня эти приключения довели до обморочного состояния. Вымотали.

Ребята проводили меня до дома и умотали к себе. Посмотрев в сторону ванной, я решила, что раз в жизни можно наплевать на правила гигиены и поплелась спать. Положив кость на стол. Что бы увидеть ее, как только проснусь. А потом передумала и под подушку запахала, не вполне понимая причины своего поступка.

Мне снились исключительно кошмары. В которых каждый раз кто-то умирал страшной мучительной смертью. Только перед пробуждением привиделся великой волшебник Гаспар. Который печально смотрел мне в глаза. Он сначала был рыбой, а потом собакой, во сне меня это перевоплощение смутило и Гаспар превратился в дракончика. Я успела сказать ему «Привет» и проснулась.

На следующий день у Тоника заболел зуб. И он вместе с матерью поперся его лечить. Он зубной боли боится и изредка даже в обмороки валится, когда добрый доктор лезет всякими острыми предметами в оголенный нерв. Мы с Пикселем его у меня дома ждали. Сопереживали. Вспоминали всякие страшные истории про зубы. Про переход и кость предков почему-то говорить не хотелось. Я так и сказала – когда страдалец вернется, тогда и поговорим. Пиксель помог мне начистить картошки, когда она сварилась мы в нее тушенку кинули. Сидели, ели, а я все пыталась незаметно что-нибудь усилием воли передвинуть. Но никак не получалось, а жаль.

– Если ты не перестанешь пучить глаза, то они лопнут, – зловеще предупредил Пиксель.

Конечно, он все понимал – мне хотелось продолжения чуда.

Звонок в дверь и вот Тоник стоит перед нами. Лицо странное. Немного деформированное. А на нем – смесь изумления и торжества. Но нам рассказывать о причинах своего недоумения он не спешил.

– Дело – швах, – констатировал Пиксель.

Тоник достал из принесенного с собой пакета кефир и пухлую румяную слойку, посыпанную белой крошкой. Ему мать выдала, чтоб подкрепился.

– Мне еще двадцать минут есть нельзя, – важно сообщил он через распухшую губу.

– Сильно ты, брат, пострадал, – Пиксель не сводил взгляд с обезображенного лица друга.

– Не только я.

Оказалось, что добрый доктор сказал, что пациентов сегодня много, укол делать обязательно, а надо немного потерпеть. Они всегда так говорят, если собрались сделать больно.

Доктор полез сверлить кариес и потом долго бился в судорогах.

– Я что, зверь что ли? Я его честно предупредил – лучше обезболить.

– Живой хоть?

– Айболит? Живой. Но долечивала меня какая-то тетка в марлевой повязке. С уколом. Сами видите – до сих пор рожа замороженная. Правда, я на верблюда совсем не похож?

Какого фига он может быть поход на верблюда мы так и не поняли. Но кое о чем начали догадываться. Пиксель ради эксперимента несильно щипнул Тоника за руку. Ничего не произошло.

– Наверное, на одну треть Гаспара моя сила не действует. Мы же теперь одной крови. Ну – ты понял про что я, – решил Тоник.

– Ты теперь как символ вендетты. Око за око, зуб за зуб. Как плюнешь в колодец, так и откликнется, – рассуждал Пиксель.

– Зато теперь мне никто зла безнаказанно причинить не может. Ясное дело – черному колдуну здорово тогда досталось. Чем больше боли он мне хотел причинить, тем больше ему самому становилось.

– Любая теория нуждается в подтверждении! – тут же возразил Пиксель.

Пока они решали, кого подговорить больно ударить Тоника, я впала в задумчивость. Факт налицо – способности Тоника никуда не делись. Это раз. А два – значит и мои должны остаться при мне. Сама виновата – решила, что в нашем мире мои новые таланты никак не проявляются – вот они и не проявлялись. Я про такое читала – внушение – страшная сила.

– Ребята, а каким волшебством мы еще могли заразиться? – мой вопрос застал их врасплох.

– Кто знает. Мы ведь в этом деле ни бум-бум. Только по книжкам и по фильмам. А тут – реально колдовской мир, в котором все всерьез, и волшебники и Гаспары. И даже смерть по-настоящему, – мрачно сообщил Пиксель.

От его слов даже мороз по коже пробежался. Действительно, нам развлечений хочется, а волшебник-то погиб. Про Гаспара я вообще не говорю. Но пока я горевала, Тоник воодушевленно сверкал глазами и был поход на мальчишку, который впервые увидел зал игровых аттракционов.

Убрав пустые тарелки со стола, я начисто отполировала салфеткой клеенку, а Пиксель беспрекословно встал у раковины и принялся мыть посуду, продолжая рассуждать.

– Я вам точно говорю – надо будет учить заклинания и жесты всякие...

– Неприличные, – продолжил Тоник и даже продемонстрировал какие именно.

Пиксель обернулся, поглядел на Тоника и покрутил пальцем у виска, оставив на нем клок пены.

– Всегда хотела научиться чему-то телекинесному, – призналась я.

Тоник задумался. Насколько я знаю, он всегда боялся боли. И драк. И всего того, что начинается дракой, а заканчивается болью.

– А как у тебя с желаниями? – спросил он у Пикселя.

– Ну, есть парочка. Я всегда трейсерам завидовал, – этим признанием он нас не удивил.

– А еще что?

– Погода. Она меня не устраивает. И я точно знаю, что во всем виноваты облака. Если их разогнать, то солнца всегда будет навалом.

Мы с Тоником призадумались. После короткого обсуждения пришли к выводу, что облака все-таки нужны. Иначе зимой мы околеем от морозов.

– А по-настоящему, у меня была заветная мечта, – почти смущенно сообщил Пиксель, – Вот хотелось мне, только не смейтесь, стать героем, ну чтоб про меня даже после смерти помнили.

Проверить на практике идею героизма мы пока никак не могли. Но трейсером налюбовались вдоволь. Вытерев руки, Пиксель без предупреждения рванул в комнату, где крутанул сальто, угробив дрыгающими ногами керамическую вазу, и оставив отпечаток ноги на светлых обоях.

– Круто! – подтвердил Тоник, поднимая поверженного друга с пола.

– Наверное, к этому таланту еще мышцы правильные нужны. И место попросторнее, – Пиксель кряхтел как древний ушибленный старикашка.

– Короче, по ходу сами сообразим, в чем мы стали другими. Я бы еще гипноз попробовал. И стать невидимым тоже хочется. И летать просто так.

Мы смотрели на Тоника как на говорящий цветочный горшок.

– А я всегда хотела понимать язык птиц и уметь читать чужие мысли, – решила я.

Дружно заорав, ребята сделали вид, что хотят оторвать мне голову. И у них почти это получилось.

– Никаких чтений мыслей! Ни-ког-да! Иначе у тебя не останется друзей. Как только что-то такое замечу – мозги тебе чайной ложкой через нос выну и съем.

Голос Пикселя звучал категорично. Так, что сразу верилось – друзей у меня не будет. И кем я стану тогда? Над этим стоило подумать. Потом. Не сейчас уж точно. Сейчас важнее было соорудить понимающее лицо и признать ошибочность своей мечты.

Эх, знать бы что ребята сейчас про меня думают, особенно Тоник.

Успокоившись, Пиксель постоял на одной руке. Раскачиваясь, как лиана в шторм. Тоник проникновенно смотрел на перевернутого друга и вдруг заявил, что на все сто уверен, что он сейчас рухнет. Пиксель тут же упал.

– Дар предвидения налицо, – согласился с собой Тоник.

– В следующий раз он треснется башкой об батарею и нам придется его хоронить, – напуганная экстремальной гимнастикой, пригрозила я.

Вслушивалась, но чужие мысли в голове так и не прозвучали. А жаль.

Кефир ребята поделили пополам, а я поставила чайник на плиту, помечтала зажигать взглядом пламя, но кроме вони от газа ничего не получила. Пришлось помахать полотенцем, чтоб разогнать ядовитое облако, а только потом кипятить воду. Огорченная, я решила еще немного потренироваться в телекинезе.

На этот раз у меня все получилось. Вилка послушно, но медленно поползла по столу. Расцветка на клеенке была в синюю клетку на красном фоне, вот я и устроила гонки чайной ложки и вилки – кто быстрее до третьего квадрата доползет. Выиграла ложка. Вывод был очевиден – у меня получалось концентрироваться на двух предметах одновременно.

– Это та самая ложка, которую ты обещала мне подарить взамен испорченной? – пока я не передумала, Тоник моментально положил ложку себе в карман.

– Она самая, – мне хотелось сотворить с вилкой что-то особенное и после недолгих стараний ее зубцы разошлись в разные стороны.

– Ну не фига ж себе заявочки! Такого в нашем мире точно никто не умет, – Как-то неискренне Пиксель меня похвалил, будто ему хотелось увидеть что-то поинтереснее.

– А вот что мне кажется более важным. Вы в курсе, что пока никто не смог получить премию, целый миллион долларов, – вдруг возвестил Тоник.

– Какую такую премию? Почему я не в курсе? – не на шутку заволновался Пиксель, будто у него был шанс ее получить.

– Ну вы даете! Премия, за показ паранормальных талантов. Ее пока никому дали. Мы же теперь уникамы. Нам денег положено за умение колдовать. Она на лимон предметами подвигает. Ну а мы...

– Вот именно. Ты можешь вообразить, что кому-то по кайфу ради науки бить тебя в бубен, а самому потом в реанимации валяться? Так что ты, брат, не уникам, ты ..., – Пиксель посмотрел на меня и решил не продолжать.

Я замутила себе кофе, глотала его и думала. Мне казалось, что у нас мозг не на то заточен. Мы до сих пор плаваем в привычном мире, закованном в рамки прежних знаний о сверх-способностях. А волшебство – это что-то совсем иное. Словно прочитав мои мысли,

Тоник решил поиграть, изображая супер героя. Схватил электро-зажигалку, что висела около плиты, взмахнул ею как шпагой и заорал какой-то боевой клич. После чего нажал на кнопку. Послышался треск электричества, а потом мы все заорали. Пиксель не раздумывая, набрал воды в кружку и полил горящие обои.

– Пипец, – вымолвил Тоник рассматривая довольно аккуратную круглую дыру в стене между кухней и комнатой.

По моему мнению, сейчас должны были прибежать соседи. Или милиция и МЧС. Вместе с пожарными. И долго бить нас ногами.

– Офигенный пипец, – повторил Тоник, медленно опуская зажигалку.

Пиксель не поленился сбегать в комнату, просунуть голову в дыру и поулыбаться нам как из иллюминатора.

– Ну, и какой дурак учил нас правилу о трех «Н»?

По-честному, я решила, что он свихнулся. Типа побочного эффекта от магических мутаций.

– Нацеленность, неспешность, настойчивость, – торжественно заявила веселая голова Пикселя.

– В нашем случае «Н» будет гораздо больше, – очень осторожно повесив зажигалку на крючок, уточнил Тоник, – Наглость, необдуманность, непреднамеренность... я не хотел ломать твой дом, ты мне веришь?

Мило. Сначала у меня сносят кусок стены, а потом, шаркая ножкой, просят прощения. Кстати говоря, соседи так и не пришли. Скорее всего никого не оказалось дома. Или решили, что я принялась за перестановку мебели и уронила все шкафы разом.

– Если сможешь убраться, я тебя прощу. Но чтоб больше в помещении никто не колдовал. А если приспичит – ступайте к себе и ломайте все хоть до фундамента.

Я и вправду была озверевшая. Хорошенькое дело – столько мусора посреди комнаты. И – что мне теперь с пробоиной этой делать?

– А ты занавеску повесь и делай вот так, – Пиксель показал как я буду отодвигать шторку и пугать гостей.

Через час в квартире стало более ли менее чисто. И мы все-таки решили допить кофе. Пикселя веселило все. Он наобзывал Тоника, придумав, как тот будет карать злодеев.

– Если тебя снабдить удлинителем, то у тебя будет вполне приличный радиус поражения.

Меня все это задрало. Мне было нужно время подумать, но пока эти гады так беснуются – ни одна дельная мысль не хочет приходить в голову.

– Вот стакан простой. Он предмет пустой. Они никуда не денется, – голосом Вини-Пуха причитал Пиксель.

Мы автоматически усталились на граненый стакан, который я не успела опустить в подстаканник. И тут без всякой причины эта тварь разлетелась на миллион острых частей. Порезав нас и превратив кухню в бомжатник. Здорово заляпанный кровью. Мне порезало руку и бок. Тонику осколки прошли по груди. Пиксель пострадал меньше. Только кисти рук. Которыми он держал чайник. Несильные порезы лица я даже за раны не считала. А хуже всего – осколки пришлось выковыривать пинцетом для выщипывания бровей. И заливать это дело перекисью водорода. Мы выли, шипели, мы ругались, я даже поплакала немного.

– Вот мать удивится, – вдруг сказал Тоник. – Лучил зуб, а выгляжу как после обстрела гвоздями.

– А ты скажи, что у врача бормашинка с катушек сорвалась, – мрачно посоветовал Пиксель.

Мне было не до смеха. Пришлось собрать всю волю в кулак и стать доктором. Хотя у меня к этому делу никакого призвания. Но если не я, то кто? Тоник впервые не валился в

обморок от боли и крови. Он довольно терпеливо выдержал процедуру обрабатывания ран и даже шутил. Пиксель загнал меня в ванную и помогал как мог. Я даже ему свой бок доверила, мне из него стекло было никак не вытащить. Он возился, утешая меня всякими глупостями, типа, у кошки болит, у собачки болит, а у тебя все пройдет. А я думала, как хорошо, что не по глазам, не по груди. И все живы, слава Богу. Додумав эту счастливую мысль, я снова заплакала. Мне представилось, как мы все трое сидим вокруг стола с вытекшими глазами и не можем позвать на помощь. Такое вполне могло произойти, будь у нас чуть меньше везения.

– Я же стараюсь делать не больно, – огорчился Пиксель, выбрасывая на пол очередной клоч розовой пузырящейся ваты.

Тоник тем временем рассматривал чайник на котором была вычеканена ровная полоса.

– Все. Мы больше не будем рисковать. Никакой совместной концентрации внимания. Никакого электричества. Ничего! Хватит! Наигрались! – постановил он.

– А как же миллион за телекинез? – жалобно спросил Пиксель.

– Перебьешься.

– Не перебуюсь, я уже придумал, на что потрачу свою долю, – почти беззвучно возразил Пиксель.

– Ну и дурак. Нам о главном думать надо. Мы насрали в чужом мире. Пора и об этом вспомнить.

Он ошибался. Мы два мира изгадили, чужой и мою квартиру.

– Сам дурак, – еще тише произнес Пиксель.

– Хватит пререкаться!

– Остроухий, – довольно громко сообщил Пиксель.

– Я тебе, что эльф что ли? – обиделся Тоник.

– Я про острый слух, – счел нужным уточнить Пиксель.

Неумело завязав хвосты бинта уродским бантиком, он вышел из ванной комнаты и принялся подметать пол.

– Эльф у нас уже есть. А ты Пиксель у нас будешь Бэтменом, – пошутила я.

– Это с какого перепугу?

– Ты бы себя видел, когда колдуна этого обрабатывал.

Пиксель просветлел лицом, вспомнив про свои подвиги.

– Да вроде бы ничего нового со мной не приключилось, – заметил он.

– Кроме скорости. У тебя теперь скорость бешеная. Даже иногда не видно как ты перемещаешься.

– Правда что ли?

– Она права, я тоже заметил, – признался Тоник.

– Наверное, мы пока в состоянии развития. Как личинки. Наверняка, еще что-то проявится, – сказал Пиксель, азартно потирая руки.

– Нафиг-пофиг, – быстро напомнил Тоник.

Они заново начали вспоминать мелкие подробности драки.

Я машинально гоняла вилку по столу и просчитывала. Нет, не совсем так. Я продумывала. Тоник поддался веселому настроению и изувечил мне стену. Схулиганил, не подумав о возможных последствиях. Потом мы вдвоем вытворили фиг знает что и стакан разнесло на осколки. А что будет, если и я буду со своим характером как у Иа-иа учиться волшебству? Ясное дело – ничего путного из этого не получится. Мне срочно нужно менять характер и набираться самоуверенности. Пора переделать себя из пессимиста в оптимиста. Не такое уж сверхнаглое желание.

Тогда почему я верещу от восторга при виде ползающей вилки, а через секунду жалею бедного Гаспара? И убиваюсь по волшебнику, который был так подло убит? А вот старика, который греб за зеленой шляпой я понимаю, но не жалею по-настоящему. Почему?

– Ты что скисла? – Тоник нажал на вилку пальцем и мешал ей пересечь квадрат.

Из вредности я усилила мощность движения вилки и она незамедлительно проколола палец Тонка. Он отдернул руку и вилка со свистом воткнулась в стену.

– Это возмутительно! – разорялся Пиксель. – Договорились же не колдовать! Что вы как дети малые! Еще раз замечу что-то такое – бить буду!

Почему-то мы сразу ему поверили. Тоник психанул, когда я предложила бинт. Он меня почти ненавидел в этот момент и я искренне не понимала – за что? Он ведь тоже виноват!

Продолжительное молчание затянулось. Каждый думал о своем и все мы выглядели как три медведя, которые обнаружили что к ним в гости приходила скверная девочка Машенька.

– Прочь сомнения. У меня уже есть план, – Пиксель отрезал кусок Тониковой слойки и намазал его маслом.

План был дикий, долгоиграющий, но вроде бы выполнимый. Правда, на мой взгляд, с несколько непредсказуемым результатом, но у нас появился шанс выкрутиться с наименьшими потерями.

– Я – за, – Пиксель кивнул, радуясь моему послушанию.

– А вы ничего оригинального не заметили, бестолковые друзья мои? – важно и таинственно спросил Тоник, едва сдерживая затаенный восторг.

Когда мы всем своим видом показали собственную неосведомленность, он пальцем ткнул в следы от ранений.

– Класс! Я же говорил уже, что мы теперь супер-герои! Раны как на собаках заживают.

– Зато какие шрамы остаются, – мне сильно не понравились мои руки, глядя на них на ум приходила колючая проволока или зубы нервного хорька.

Глава 10. Старик

Новый недельный велопоход предки восприняли спокойно. Пиксель показывал им карту, где красным фломастером был вычерчен маршрут. Типа мы по заброшенным городам-призракам поедem кататься. Если по-честному – в минутах пятнадцати от двери как раз один такой есть. В нем пинтбольщики окопались, но они неагрессивные, когда вне поля боя. Так что нафоткаем развалины в разных ракурсах. Родителям покажем – были, видели.

Палатку нам выдал сердитый дед Тоника, который был сильно озадачен выпадением зубов у чучела трофейной шуки. От воды она несильно пострадала – лак даже не облез, а зубы обломались о кость предков Гаспара. Не все, конечно, но шука теперь напоминала самого деда, только без съемного зубного протеза. Огорчение помешало деду выдать вразумительные инструкции по установке палатки, но Тоник пофигически отмахнулся – сами справимся, в инете все написано. Тут он сильно лопухнулся, но это мы поняли только потом.

Ребята носились по магазинам, закупая продукты, освободив меня от этой обязанности. Понимая, что у меня просто нет лишних денег. Выплаты спонсора прекратились, а родители, скрепя зубами, скидывались на оплату квартирных счетов и пополам выдавали мне денег на еду. Ровно столько, что б не помереть с голоду. И ни копейкой больше. На покупки вроде новых туфель приходилось начинать выпрашивать месяца за два. И не факт, что выделенных денег хватало на китайские кеды.

– Ты готова? Присядем на дорожку.

Я еле сдержала предательский смехок. С этой приговоркой у меня связано одно незабываемое воспоминание. Про которое я никому не расскажу. Мама всегда так же приговаривала, когда мы отправлялись в далекий путь. Она строгая у меня. Ну, сами понимаете, что сделает ребенок, когда ему приказывают «присядь на дорожку», до этого сто раз повторив что «надо сходить на дорожку», то есть посетить туалет.

– С Богом, – неожиданно воззвал Тоник, вставая с дивана.

Три велика. Рюкзаки моментально оттянули плечи, натирая лямками кожу. Ребята недолго думая, скинули футболки и подложили их на спину. И удобнее и не так жарко. Ух, как я им завидовала. И еще я заметила, что когда мы ехали по городу, много девушек поглядывало и оборачивалось на Тоника и Пикселя. Хотя грудь у них не так чтобы накачана. На меня тоже из машин поглядывали, даже предлагали подвезти. Юмор у них такой дурацкий – куда же я велик суну? Да и зачем мне в машине тащиться, если я на велике быстрее доеду? Пусть без меня в пробках мучаются, деньги и кислород жгут, нервы себе мотают.

Пока ехали, Тоник успел рассказать странную историю. У него соседка есть. Не шизик, но с головой явно не дружит. Она забывает, что поела, дома не убирается, не моется уже несколько лет. Так вот, от нее через вентиляшку к Тонику поперли тараканы. Рыжие такие. И Тоник с какого-то перепугу решил, что он теперь маг и волшебник и возымел желание изгнать гадов.

– Смотрю, бежит, гнида. Я его веником хвать. И пока он не удрал сказал ему волшебное слово.

Выдать заветное слово Тоник отказался наотрез.

– Ну, типа, валите вы отсюда во веки веков и навсегда, вы нафиг никому не нужны. И еще кое что прибавил...

После его внушения, тараканы отчаялись и скопом решили устроить акцию массового суицида.

– Хорошо, что мы уехали. Дома теперь даже в сортир не сходишь. Тараканы полезли толпой в канализацию, кто в раковину, кто в унитаз. Теперь пока сантехник не придет матери

даже посуду не помыть. Ничего, одноразовой попользуется. Но дед в панике. А батя вообще пригрозил из дома уйти, будто мать в чем-то виновата.

– А я у матери пирожков натырил. Вы были правы, скорость у меня теперь суперская, но у матери глаз алмаз. Обругала, но пирожки не отобрала.

Мне похватать было нечем. В отсутствие ребят я потренировалась с мобилкой. Ну, чтоб она запрыгивала мне в руку, как во снах. Телефон крутился по полу, подпрыгивал, как котенок за веревочкой, но в руку попал только с сотой попытки. За что был ласково поглажен и обозван лапочкой и сладким мальчиком. Потом я попыталась вымыть посуду, не пачкая рук, двигая губку по тарелке. Чуть позже губку пришлось доставать немагическим способом из-за раковины, а останки тарелки выбросить в ведро. На этом решила остановиться.

– Ты что, совсем с ума сошла! – заорал Пиксель, заметив, что меня занесло на встречную полосу.

Тоник замер на обочине, наблюдая как меня объезжают гудящие автомобили.

Как только мы свернули за гаражи, Пиксель резко тормознул.

– Смотрим на меня. По сторонам не смотрим совсем. Эй, это лично к тебе относится.

Ну да, я, как только услышала его приказ, сразу начала вертеть головой в поисках опасности.

Пиксель сделал вид, что у него колесо спустило. Вozился у велика, а сам бормотал.

– Там на огороде тетка жопой кверху. Грядку роег, зараза. И как мы теперь пройдем?

Он ошибся. Теток было как минимум две. Я еще одну видела. Она с рваным полиэтиленом на парнике воевала. На нас – ноль внимания. Хотя теоретически они должны на чужаков орать и гнать как потенциальных воров подальше от своих участков.

– Похоже, им не до нас, – флегматично заметил Тоник и вдруг спел. Мотив молдаванки, а слова местами собственного сочинения.

Как то летом на рассвете заглянул в соседний сад.
Там дедуля из берданки засадил мне солью в зад.
Я красною, я бледнею. Захотелось вдруг сказать,
Как же жить я буду, мне ни лечь, ни сесть, ни встать.

Мы с Пикселем понадеялись на припев и не ошиблись.

Хрен горелый, пень трухлявый и гнилой.
Погоди уж, поквитаются с тобой.
Хрен горелый, да пень трухлявый, жди с гранатой зимой.

Если бы он меня поцеловал, я бы меньше удивилась. А Пиксель, тот вообще дар речи потерял и явно пытался запомнить каждое услышанное слово.

– Сам придумал? – с нескрываемой завистью спросил Пиксель.

– Я? Да нет. Это все дед мой. Он стихи пишет хорошие. Но зловредные у него лучше получаются.

Я сразу в него снова влюбилась. Точнее не в него, а его голос. И в талант его дедушки заодно. Надо будет запытать Тоника, но выпросить у него пару произведений деда. Похоже, точно такая же мысль возникла и у Пикселя. И так же одновременно мы решили ее оставить на потом. Когда все закончится. Надо будет его пошантажировать щучьей головой. Сказать – если стихами не поделится, то я расскажу, отчего у трофея выпали зубы. Тоник свою родню уважает. Должно сработать.

Победно взглянув на огорченного Пикселя, я показала ему язык.

Когда шок от вокальных способностей Тоника прошел, мы вспомнили, зачем мы тут собрались. И про теток-огородниц тоже.

Мне показалось, что им очень даже до нас есть дело, только они специально прикидываются увлеченно-занятыми. Точно – прикидываются. Я спиной ощущала их бдительное внимание. Еще я подозревала – они как бы обозначили свое присутствие, но для нас опасности не представляют. Но как только я об этом подумала – включился мозг и ехидно спросил – а с чего ты это решила? Интуиция, предчувствия – это не по твоей части. Если бы у меня были проблески интуиции, то стекло стакана меня бы не порезало. Этот убедительный факт меня обескуражил.

– Вроде как им на нас наплевать, – прошептал Пиксель.

Тетка, у которой забор из строительного хлама, выпрямилась и в упор уставилась прямо на меня. Я решила, что мне никто не запретил в ответ посмотреть ей в глаза. Изобразив пристальное «ну и что?». Действительно – ну и что, обычная тетка, с лицом как красная картофелина. Видала я таких. Злыдни с уклоном в тиранию тех, кто не может дать отпора. Типа нашей завучихи. Прищуренные глаза буравили меня как победитовые сверла. Оценивали, прикидывали полезный вес тушки, площадь кожи в квадратных сантиметрах. Может она меня съесть хочет, а требуху в грядки закопать вместо удобрений? А кожу вместо полиэтилена для парника использует. Черный юмор на этот раз не успокоил. Но вдруг тетка скользнула глазами по нашей компании, как по пустому месту, и снова занялась латанием парника.

По-честному, я взрослым не очень доверяю. Они почти все время врут. А если не врут, то корчат из себя фиг знает что. Ну конечно, я понимаю, у них жизнь такая сложная и все такое, но вот я когда вырасту – ни за что не стану выпендриваться перед детьми, честное слово. Ни разу не покажу, что я умнее и у меня огромный жизненный опыт. Вот если меня спросят совета, я, конечно, отвечу, но чтоб самой лезть с глупостями – никогда. А эта тетка, она точно из тех, кто сто раз скажет – не кури, не морщи лоб или еще что-нибудь этакое. И про одежду точно советов надает тонну. Знаю я таких. И ненавидит нас заранее, потому что мы не такие как надо.

Объяснить ребятам свои придурочные размышления я не могла, поэтому промолчала.

– По одному проходить будем, – таинственным голосом оповестил меня Пиксель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.